

Андрей Кондратьев

**Герман Феликс Вирт и «Хроника Ура Линда»
(предисловие к русскому изданию)**

Обложка русского издания

Данный текст размещается в сокращении.

1. Древнейший Завет Севера.

У издававшего в 1934 году «Хронику Ура Линда» профессора Германа Вирта были серьезные предчувствия относительно того, что объявленный там срок в две тысячи лет – срок исполнения пророчеств и наступления «Конца Света» – близок к своему завершению. Новая эпоха стремительно приближалась. Составленное Виртом послесловие к «Хронике...» исполнено пронзительных эсхатологических интонаций¹. В понимании Вирта, исполнились сроки, пришло время северного Откровения. Это – «Древнейший Завет», который в предстоящее тысячелетие должен заменить собой два ближневосточных откровения, искусственно сфабрикованных, по мнению авторов «Хроники...», жрецами и при посредстве князей навязанных европейскому человечеству. Кроме того, вопреки многим германистам своего времени, Вирт не считал, что священные тексты германского Севера (Эдда и сага) могли бы также подойти на роль «Древнейшего Завета», которую он оставлял исключительно за «Хроникой Ура Линда». Как писал Вирт в послесловии к своему эпохальному изданию, эта хроника полностью переосмысливает и даже в некоторых моментах «разрушает германистику Эдды и освобождает нас от постоянных толкований и перетолкований этого настолько неравноценного (с

¹ Из-за которых мы и решили привести его полностью, несмотря на неприемлемые, но исторически вполне понятные высказывания о фюрере и НСДАП.

«Хроникой...») памятника эпохи германского упадка и разложения. Ибо германтиковеды² со своей экзегезой Эдды ничем не отличаются от своих христианских соотечественников, любой ценой стремящихся утвердить «старый союз» как основание христианской религии и церкви.

«Хроника Ура Линда» раз и навсегда освобождает нас, людей Севера, от этой трагической путаницы нашей духовной истории: от так называемого «Ветхого Завета», от иудейско-восточного пародийного переосмысления универсальной религии Бога-Света, от амореев, носителей мегалитической культуры гробниц и от Ханаана»³.

На протяжении своей долгой жизни проф. Вирт постоянно призывал молодое поколение к тому, чтобы возродить «новое нордическое духовное движение», которое вызовет к жизни «Новую Нордическую Европу с Германией в качестве середины, Сердца Запада». Для этого нордического возрождения Вирт уже в 1960 г. предсказывал приход «возрожденного и окрепшего язычества» (**wiederkehrendes und erstarkendes Heidentum**), ибо, по мнению Вирта, Европа остается в своей основе языческой вплоть до сих пор, и изменить эту языческую душу Европы очень трудно. Когда возрождение языческой традиции в Европе произойдет, христианам будет предложено толерантное сотрудничество⁴. Своим изданием «Древнейшего Завета» Вирт пытался «подтолкнуть» и без того неминуемо опускающееся Колесо Кродера, и, заручившись поддержкой Третьего Рейха, восстановить древнейшие обычаи германцев сначала среди жителей Германии и Нидерландов, а затем и среди тех народов, которые были напрямую затронуты волнами атланти-нордических миграций.

2. Два Германа Вирта.

Профессора Германа Вирта (1885-1981) сегодня знают, в основном, как автора нашумевших работ о происхождении человечества, крупного специалиста в области германистики, праистории или исследователя древнейшей истории Духа (Praehistoriker oder Geistesurgeschichtler). Такой образ Германа Феликса Вирта дополняется в ряде случаев характеристиками вроде «оберштурмбанфюрер СС», «консервативный революционер», «человек, увеличивший историю человечества на 12 тысяч лет – самый замалчиваемый гений эпохи; открыватель первоязыка человечества, реконструировавший письменность золотого века, паладин высокого Норда, избранник Nordlicht'a – Света Севера, сын Фрейи», «вестник Апокалипсиса», «крупный нацистский ученый» или, точнее, «атлантолог, рунолог и специалист по древнейшим сакральным символам человечества», «человек, увлеченный реконструкцией изначальных мифов». В общем, «Urkultur-Forscher»⁵.

Сегодня в работах о Вирте наблюдается интересная тенденция: все его творчество условно разбивается как бы на два периода, из которых первый, период «Священной Протописьменности» и «Происхождения Человечества» определяют как «период фелькиш» или «время мистического нацизма». Это – «первый Вирт», наиболее известный и описанный. С ним связана деятельность общества «Наследие Предков», издание «Хроники Ура Линда», организация множества передвижных выставок, основание и руководство огромного «Центра по изучению шрифтологии и симвонологии» («Lehr- und Forschungsstaette fuer Schrift- und Sinnbildkunde»), и т.д.

² Так Вирт именовал тех «ариософов» и рунологов, для которых не существовало никаких источников по германской традиции, более древних, чем Эдда и сага.

³ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933, S. 306-307.

⁴ Wirth Herman. Um den Ursinn des Menschseins. Die Werdung einer neuen Geisteswissenschaft. Wien, 1960, S. 98, 103, 120, 124-126, 131-133.

⁵ Исследователь древнейших культур.

«Второй Вирт» начинается в послевоенные годы и особенную свою активность развивает примерно в 1970-е – в эпоху горячих споров о судьбе североамериканских индейцев, об истоках европейской традиции, о святилище Экстернштайна, об экологии, о движении новых правых и рождении новой религии Европы. Если «первого Вирта» наиболее часто ассоциируют с движением нацистов, то «второго, более позднего Вирта» – с космизмом и подчеркнутым экологизмом движения New Age⁶.

Как станет ясно из нашей статьи, обе трактовки Вирта («коричневая» и «зелёная») ведут к очень серьезному заблуждению.

3. Филолог из Нидерландов.

Вирта обоих периодов относят, как правило, к числу немецких ариософов, хотя это также верно не до конца. Правильнее было бы считать его нидерландцем, поскольку родился Герман не в Германии, а в Нидерландском городе Утрехт (6 мая 1885 г.) и все свое детство провел в Нидерландах, откуда происходила его мать София Гийсберта Бош. Отец же его, Людвиг Вирт, был приватдоцентом и доктором теологии, по совместительству – гимназическим преподавателем, и происходил из местности Рейнпфальц.

После окончания школы (1904 г.) маленький Герман целиком погрузился в изучение нидерландской филологии, истории германистики, истории и музыкологии. Интересом к этим дисциплинам он обязан, прежде всего, своему отцу: тот опубликовал в свое время несколько работ по фольклористике, принесших ему в Нидерландах некоторую известность.

Следуя по стопам отца, Вирт пытается реконструировать сакрально-этнические истоки своего народа, для чего предпринимает ряд поездок: сначала он отправляется в Лейпциг, где в течение двух семестров изучает народную музыку, германистику, историю и нидерландскую филологию, а затем снова возвращается в Утрехт, где сдает в 1908 г. государственный экзамен, получая затем возможность преподавать нидерландский язык и литературу в Берлинском университете.

В это время он работает над сочинением с говорящим названием «Священный поворот», в котором трагически описывается «белая женщина – Мать света, Хольда», грядущая в наш мир, дабы наполнить его «утренним светом Божественной свободы» и «священнейшей верностью былым временам». Эта первая книга Вирта была переиздана в 1933 г. в обработке немецких фелькиш⁷.

4. Untergang des Volksliedes.

Параллельно Вирт трудится над кандидатской диссертацией, которую с блеском защищает уже в марте 1911 г. и публикует в виде монографии под названием «Упадок голландской фольклорной песни». Уже в ее названии чувствуется та культур-пессимистическая нота, которая с особой отчетливостью зазвучит в более поздних, классических работах германского ариософа. «Упадок голландской фольклорной песни» – это как бы «Вирт до Вирта», этническая азбука духовного становления. Здесь чувствуется

⁶ Kratz Peter. Die Goetter des New Age. Im Schnittpunkt von "Neuem Denken", Faschismus und Romantik. Berlin, 1994, S. 310 ff., 127 ff.

⁷ Движение фёлькиш (voelkische Bewegung) составляет часть более широкого духовного движения Европы 20 в. – т.н. «Консервативной Революции», возникшей в качестве реакции на рационализм эпохи Просвещения в кругах мистиков и теоретиков «право-левого» политического синтеза. Движение фёлькиш является частью Консервативной Революции точно так же, как ариософия является частью движения фёлькиш, а нидерландская атлантико-нордическая теория Вирта – частью ариософии.

Zeitgeist⁸, радикальный трагизм, но здесь же светит Черное Солнце нидерландской меланхолии и звучат магические ритмы народной музыки европейского Севера.

Упадок народной традиции Вирт связывал с наступлением эпохи Модерна, когда в 17-18 вв. в Нидерланды вторгается инородная культура больших городов. Основным тезисом, защите которого был посвящен «Untergang des ...Volksliedes», состоял в том, что под натиском интернациональной, романизированной «культуры верхов»⁹ подлинно-народный дух перестает творить и петь, музыка Золотого Века сменяется звоном демократического металла.

Остатки почти навсегда утраченной традиции Вирт находит лишь на Юге Нидерландов: «северонидерландский элемент, - пишет Вирт, - может быть возрожден лишь посредством южнонидерландского оплодотворения», в то время как «искусственное сохранение» культуры т.н. «золотого века» является «грехом против священнейших желаний и потребностей народа»¹⁰. Примечательно, что здесь Вирт говорит не от своего лица, а от лица целого народа, так же, как в своих более поздних фундаментальных сочинениях он станет говорить от лица целой расы – расы «атлантик-нордов».

Видеть в этом завышенные амбиции было бы неверно: Вирт постоянно дает понять, что он – всего лишь служитель, один из тех, кто выполняет сложнейшую задачу, безропотно подчиняя свою волю великой цели. Традиция Нидерландов была лишь одной из иллюстраций, ярким примером и первым камнем, положенным в основание задуманной реконструкции.

5. В стиле фэлькиш.

В годы работы над диссертацией Вирт вынашивает идею глобального синтеза различных аспектов германской традиции. Одна из его задумок реализовалась в целой интересной серии «нидерландско-исторических концертов», сопутствующих возрождению голландской фольклорной песни и ведущих в самую глубь веков. В ходе концертов использовались традиционные народные инструменты, архаические заставки, и т.п., а попутно Вирт читал интереснейшие лекции на темы религиоведения и древнейшей истории северного, германского духа. Проводившиеся Виртом народно-исторические концерты именовались «фламандскими вечерами» («vlaemische Abende»). Один из таких концертов, состоявшийся в Берлинской часовне накануне Рождества 1912 г., был посвящен памяти героев войны 1870/71 гг. и вызвал восторг у многих германских фэлькиш. Доклады и выступления Вирта велись как на немецком, так и на нидерландском языках, причем некоторые из них публиковались. Все это продолжалось до начала Первой мировой войны.

6. Фламандский национализм.

С началом Первой Мировой Вирт как «убежденный последователь великонидерландской идеи» добровольно уходит на фронт. Уже к концу 1914 года он был откомандирован от своего подразделения и поставлен на службу немецкого правительства в Бельгии. Там ему удается установить контакт с организацией «Jung-Flamen», являвшейся самым влиятельным, но и самым радикальным фламандским движением за независимость. Вступив в «Jung-Flamen», Вирт с большим рвением начинает выполнять конкретные организационные задачи. В частности, усилиям Вирта движение фламандских националистов было обязано немецкими ассигнованиями на собственную газету «De Vlaamsche Post».

⁸ «Дух времени» – устойчивое немецкое выражение, связанное с древним языческим поверием, будто у каждого времени имеется свой дух-покровитель.

⁹ Т.н. «Hoehenkunst».

¹⁰ Wirth Herman. Der Untergang des niederlaendischen Volksliedes. S. 301, 303.

В последующие годы войны Вирт возвращается к своим пангерманистским великонидерландским проектам, соединяя в их реализации талант профессионального фольклориста и навыки музыковеда. Как и в довоенное время, он организует серии докладов, сопровождаемых звуками традиционной нидерландской музыки и показом диафильмов. В начале августа 1916 г. ученый решает пожениться во второй раз. Его избранницей оказывается дочь известного художника Маргарет Шмитт, разделявшая убеждения мужа и, более того, примерно с 1912 года игравшая на лютне во время его концертов-докладов-экспозиций.

Все эти публичные выступления Вирта были тесно связаны с нидерландским молодежно-патриотическим движением. Это – та сторона биографии Вирта, которая лежала где-то между миром его мистического поиска и вторым, намного более пресным и формальным миром академической науки.

Наиболее известным вдохновителем и теоретиком фризского национального движения являлся в тот момент Дауве Кальма (1896-1953) – поэт, драматург, и литературный критик. Его основной задачей было возрождение фризского народного языка и – в перспективе – отделение Фрисландии от Нидерландов, необходимое, по его мнению, для возрождения фризской этнической самобытности и стародедовской традиции. В 1915 г. под руководством Дауве Кальмы была сформирована небольшая группа народнически («фелькиш») настроенных энтузиастов, которая получила название «Jongfryske Mienskip» («Юное фризской движение», или просто – «Молодые фризы»). В 1920-е годы это движение проявило себя достаточно активно – издавало газету «Heitelan» («Родина»), а затем и журнал, который носил показательное название – «Frisia». Радикальное крыло «младофризов» настаивало на радикализации методов борьбы и обрело отчетливые политические контуры. Поскольку отношения между различными группами и союзами фризского народного движения были очень сложными и запутанными, остановимся лишь на самом главном.

1. Созданный в 1902 г. «Северофризский союз краеведов-патриотов» имел ярко выраженную прогерманскую (и, следовательно, антидатскую) направленность.
2. Основанный же в 1923 г. «Фризско-Шлезвигский союз» выступал как раз против прусского засилия в этой области. Ему удалось добиться признания северных фризов в качестве нац. меньшинства. «Фризско-Шлезвигский союз» оказывал поддержку радикалам из фризского движения в Нидерландах и в августе 1925 г. провел в Восточной Фрисландии 1-й Всефризский съезд, на котором был составлен обращенный к германскому правительству меморандум, требующий признания северных фризов национальным меньшинством Германии.

В этот период активизируется фризское движение в Нидерландах, идейным вождем которого становится уже упоминавшийся Дауве Кальма. Его духовная биография по своему показательна: от резкого увлечения идеями социальной справедливости он обратился к восточной теософии, а затем – к магическому фашизму. В 1940-45 годы Кальма оказался на стороне т.н. оккупационного движения, т.е., на стороне национал-социалистов. Примерно такую же траекторию (исключая разве что увлечение теософией) мы видим и у Вирта.

7. Wandervogel.

В Голландии Вирт был главным вдохновителем молодежного движения ‘Landbond der Dietsche Trekvogels’. Это – голландский аналог более известного немецкого сообщества Wandervoegel, движения «Перелетных птиц», сотрудничать с которыми Вирт начал еще о время своего зимнего семестра в Лейпциге (1908 г.)¹¹. Надо сказать, что в 1920 г., когда Вирту пришло в голову основать Dietsche Trekvogels, в Европе таких

¹¹ Wirth Herman. Vom Ursprung und Sinn des Hakenkreuzes. // Germanien, Heft 6, Leipzig, Juni 1933, S. 162.

аналогов было множество. Вокруг идеи народа и народности объединялись тогда многочисленные вольные корпорации фризских буршей, очарованных странников и мистических краеведов, в совокупности представлявшие собой очень пестрое полотно самых различных мировоззрений. Здесь были и фашистские, и социалистические, и христианско-гностические, и языческие многие другие духовные тенденции.

‘Landbond der Dietsche Trekvogels’ представляло собой объединение молодых романтиков, тяготеющих к национальной архаике. В движении «Перелетных птиц» такая тенденция выражалась в том, что вместо пышных торжеств вильгельмовской эпохи, таких, например, как годовщина битвы при Седане, молодые патриоты отмечали только те празднества, которые происходили от древних германцев. Особенным почетом пользовался старинный языческий праздник летнего солнцестояния.

8. Ритуалы сольстиса.

Этот ритуал имел не только отчетливо языческое происхождение, но и мог быть осмыслен в свете гностического противопоставления двух миров – мира Света (Огня) и мира Тьмы (Льда и Холода). Кроме того, летнее солнцестояние задавало ориентацию многим мегалитическим святилищам, на исследование которых нередко выезжали германские мистики, краеведы и неоромантики. Летнее солнцестояние было точкой космического поворота, после которой световое пространство германского дня начинало уступать место надвигающейся ночи – времени великих ожиданий и сновидений.

Ритуалы летнего солнцестояния были инвариантными для всей неоязыческой Европы. В общих словах, структура нативистских¹² ритуалов летнего сольстиса была следующей: в каком-нибудь из заранее определенных священных мест (как правило, в роще или на руинах древнего капища) зажигался ночной огонь. Вокруг него проходили посвящения, читались духовно значимые тексты, обсуждались романтические предания о доблестной старине, величии германских предков и т.д. Затем, когда речь предводителя подходила к своему завершению, община молодых путешественников отдавала торжественный салют, клялась в верности и посвящала себя Огню: через огонь прыгали, его держали в руках, передавали из рук в руки или просто медитативно созерцали. Иногда, когда дело происходило на возвышенности, с холма скатывалось огненное колесо – обмотанный соломой деревянный обруч или нечто подобное.

Горящее колесо означало не только «закатившееся старое солнце» или колесо времени, но также и сожжение всего старого мира – во имя нового и обновленного. Эти ритуалы не были придуманы – они шли из глубокой германской древности. «Согласно архаичным представлениям, пространство и время в критической ситуации, на стыке Старого и Нового года, теряют свою прежнюю структуру, «разрываются» так, что остается лишь слитая воедино пространственно-временная точка, в которой все и решается и которая становится зародышем («родимым» местом) будущего пространства и времени, создаваемых заново в каждом новом цикле творения»¹³.

Однако на этом ритуал не заканчивался. После скатывания горящего колеса юноши пели народные песни, девушки водили хороводы, причем направление их движения (посолонь или противусолонь) зависело от той литературы о древнегерманском язычестве, на которую та или иная община ориентировалась. Как правило, это были книги ранних немецких романтиков, ариософов или других фелькиш. Особенной популярностью пользовались работы Поля де Лагарда, в которых давалось изложение базовых идей германской веры (своего рода фелькиш-катехизис). Таким образом, мистика плавно

¹² Нативизм – это примерный синоним «неоязычества». Подробнее о том, что такое «неоязычество» см. в статьях А.П.Забияко, опубликованных в журнале «Религиоведение» за 2006 – 2007 гг.

¹³ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику. // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2005, с. 492.

перетекала в германистику, а германистика – в отчетливо выраженную, хотя и не всегда направленную, политическую волю.

9. Политический витализм.

Возглавляемый Виртом филиал «Перелетных птиц» был настроен скорее мистически-анархически, хотя присутствовали и такие моменты, которые *post factum* получили название «фашистских». Вероятно, «фашизма» там было столько же, сколько и в нидерландской народной песне¹⁴, за возрождение которой ратовал в те годы Герман Феликс Вирт... Сам он, кстати, определял движение «Перелетных птиц» без излишних иллюзий и восторгов, как «обусловленный временем глубинно-психологический прорыв на поверхность основного народного типа <...>, совершившийся, чтобы снова обрести душу народа и Родины. Их духовным снаряжением были Эдда, «Фауст» Гете и «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше». С лютней и ранцем, с веселой народной песней томиком «Заратустры» молодые германцы собирались в дорогу, покидая опостылевшие мегаполисы, с их буржуазной скукой, космополитической безликостью, отсутствием жизни в прямом и переносном смысле.

Они шли в леса, шли к деревенскому народу, отмечали с ним вместе праздники солнцестояний и равноденствий, восхищаясь природой и неисчерпаемой глубиной народного духа. Городскую промышленность, механику деловых отношений, калькуляцию выгод и трезвость расчетов «Перелетные птицы» презирали от всей души. Рациональность – это смерть, финансовый порядок – это процентная кабала, высасывающая из здоровых наций их жизненный сок и оставляющая лишь пустые железобетонные оболочки. «Жизнь – вот первое и последнее. В истории всегда речь идет о жизни и только о жизни, о триумфе воли к власти, а не о победе истин, изобретений или денег»¹⁵. Всегда, во все века, законы жизни оказывались сильнее, чем придуманные схемы, чем извне навязанный порядок, лишенный своего мифа и своей тайны. Жизнь – сильнее, чем любые скрепы. Поэтому, все, что не пережито и не прочувствовано – лишено смысла, механистично, оторвано от живого источника витальной силы.

10. Улебордены и *Wendekreuz*.

Для Вирта, бывшего тогда одним из крупных теоретиков германских фелькиш, таким бесспорным источником витальной силы была его родная фризская традиция. Путешествуя по деревням и селам, Вирт собирал местные легенды, поверия и мифы, зарисовывал рунические знаки календарного цикла. С особенным интересом Вирт копировал т.н. «улебордены» - древнефризские знаки, располагавшиеся по обычаю на самой вершине крестьянского дома. В Твенте и Западной Фрисландии таких «улеборденов», коньков на крышах традиционных построек, к началу 20 века сохранилось еще достаточно. Внешне они представляют собой, условно говоря, колесо, в центре которого находится нечто. Как правило, это – крест.

Крест в круге (кельтский крест) – это, согласно Виртовской интерпретации, одна из наиболее древних идеограмм годового цикла, знак пути Космического Спасителя. Простейшие фигуры, выполненные в форме меандра, свастики или креста поворота

¹⁴ В более поздние годы Вирт сделает, правда знаменитую оговорку, которую затем перехватят и будут повторять многие из его оппонентов. Оговорка (в открытом письме известному теологу Рудольфу Бультману) состояла в том, что, Вирт, якобы, инспирировал 'Landbond der Dietsche Trekvogels' как «движение с отчетливо выраженной национал-социалистической задачей». (Wirth Herman. Antwort an Prof. Rudolf Bultmann. // Oberhessische Presse, Marburg, 14. 08. 1965). Нам представляется, что хотя такая задача и могла возникнуть в числе прочих на определенном этапе развития 'Landbond'a, она ни в коем случае не являлась ни изначальной, ни, тем более, основной – даже несмотря на то, что главным символом организации была свастика.

¹⁵ Spengler Oswald. Der Untergang des Abendlandes. Bd. II, Muenchen, 1922, S. 635.

(Wendekreuz) оказывались для Вирта сложнейшим символами, несущими в себе, помимо колоссальной древности, множество сакрально-теологических и календарных смыслов. Чаще всего все эти смыслы проистекают из культовой символики атланта-нордов, а точнее, из зимнесолнцестоянческого, предзимнесолнцестоянческого и постзимнесолнцестоянческого символизма, что связано с непрерывностью атланта-нордической традиции, элементы которой присутствуют в традициях всех народов и, в особенности, у древних фризов, детей Богини Фрейи.

11. Северный исток сакральной символики.

Вирт приводит в доказательство тысячи самых разных примеров, причем конечный вывод его звучит примерно так: любой символ происходит из целостного, благостного и изначального бого-миро-переживания и бого-миро-воззрения человека Севера. А поскольку главным источником таких переживаний для человека Севера всегда являлось «священнейшее событие Юла», когда наступает самая длинная ночь всего Священного Года и Космический Свет постепенно начинает пребывать, - постольку для северного человека буквально каждый символ оказывается символом Зимнего Солнцестояния. Все длительные мифологические экскурсы в символику и все символические экскурсы в мифологию, все перечисление рунических знаков (УР, ЮР, ТИУ, ХАГЕЛЬ, ОДАЛА и т.д.), все медитирование на тему «Колеса», «Колючки», Аполлона», «Изначальных Вод» и т.п. оказывается необходимым для того, чтобы, в конце концов, провозгласить очень простую вещь.

О чем бы Вирт ни говорил, в конечном счете он непременно провозгласит, что вся символика и мифология народов мира сводится к затянувшемуся «ремейку» сакральной символики и мифологии народов Севера, что вся символика и мифология народов Севера сводится к описанию Великого Юла, а это описание Великого Юла, в свою очередь, сводится к особому, лишь северным людям по-настоящему присущему, переживанию Космического Света как особой Божественной Благодати.

12. «Германтиковеды».

Называть такие рассуждения Вирта «ариософскими», в том смысле, в котором ариософией называют «Теозоологию», «Карнунтум» или «Аса-Уана» - это было бы большим и совершенно неоправданным преувеличением. Во-первых, потому, что в отличие от большинства ариософов, концепция Вирта с особенной ясностью акцентировала не антропологическую (расовую), а культово-символическую проблему. Если у человечества имеется общий культово-символический, сакральный исток, то возвращение к нему как единственно возможному истоку является намного более предпочтительным, нежели затянувшееся выяснение расовых отношений между германцами и евреями, чандалами и арийцами, и т.д.

Во-вторых, Вирт на протяжении всей своей жизни сохранял по отношению ко всевозможным ариософам строгую дистанцию, презрительно именуя их «германтиковедями», «вдохновенными дилетантами» и «национальными фантастами». С такими личностями как Йорг Ланц фон Либенфельс, Филипп Штауфф, Рудольф Джон Горслебен и т.д. Вирт старался вообще ни в какое общение не вступать. По его убеждению, все они только то и делали, что методично позорили северную идею, дискредитируя ее своими псевдонаучными рассуждениями или разменивая на псевдовосточный синкретический магизм, («лапландско-финский оккультный хлам эддической традиции»¹⁶).

¹⁶ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933, S. 234.

Такие резкие выражения Вирта, как «lappofinnischer Zauberkrampf der eddischen Ueberlieferung» не могли не вызывать несогласия как со стороны «кадровых» эзэсовских рунологов, (вроде главы «Отделения рунологических исследований при Ahnenerbe» Вольфганга Краузе или профессора Гиссенского университета Гельмута Арнтца), так и со стороны заштатных фелькиш-окультистов «листовского» склада, которым эддическая трактовка «тайны рун» часто казалась единственно авторитетной и потому наиболее предпочтительной.

13. Германистика фелькиш.

Со стороны первых время от времени сыпались печатные обвинения в научной некомпетентности, сильно испортившие Вирту не только академическую карьеру (никогда для него особенной важностью, по видимости, не обладавшую), но и судьбу, которая, как и судьба самой организации «Ahnenerbe», а, может, и всей Германии, вполне могла сложиться иначе – по закону Вральды и Фрейи, а не по законам Нюрнберга и т.п.

Сложнее обстоит дело со второй группой критиков Вирта, по адресу которых, в первую очередь, и направлены «антиэддические», а, стало быть, и «антиэддистские» филиппики. По прошествии времени Вирт был – прежде всего, в силу известной оппозиционности при режиме, приносящей дивиденды лишь немного погодя – заочно поставлен в один ряд с такими классиками фелькиш-традиции, как Heinrich Wolf, Max Robert Gerstenhauer, Max Wundt, Hans Hauptmann, Wilhelm Erbt, Franz Haiser, Otto Sigfried Reuter, Arno Schmieder, Wilhelm Teudt (такая последовательность «фелькиш-систематиков 20-х годов», замыкающаяся именем Вирта, предложена в обстоятельной книге Армина Молера «Консервативная Революция в Германии»¹⁷. Написанный под научным руководством Карла Ясперса и защищенный 29.06.1949 на философско-историческом факультете Базельского Университета, труд Молера до сих пор является основным библиографическим путеводителем по право-левой Германии 20-30-х¹⁸.

В среде ариософов сегодняшней Германии стремление быть современными, адекватными и политически корректными доводит до того, что вся взрывная мощь ариософии растворяется в «лаппофинском» космоистском оккультизме (чаще всего – с преобладанием экологических тонов¹⁹), а возможные политические выводы из доктрины сводятся к допустимой норме. Вирта и других авторов 30-х стараются не читать вообще, чтобы никого не расстроить и не расстраиваться самим – оттого, что это «тоже ариософия»...

Безусловно, тексты самого Вирта, а также близких ему академических фелькиш-германистов и рунологов (Карла Теодора Вайгеля, Густава Коссины, Вильгельма Тойдта, Отто Хефлера и др.) имели для науки намного большую ценность, нежели фантазии большинства австрийских и немецких ариософов. В отличие от последних, Вирта несколько не привлекало «необуддистское» учение Блаватской, скорее даже оно было ему противно, как очередная попытка антинордического духа утвердить «Свет с Востока» вместо «Света Севера».

¹⁷ Mohler Armin. *Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932*. Darmstadt 1972. S. 344-348.

¹⁸ Биография и общественно-политическая позиция А. Молера хорошо представлены в издании: *Lauter Dritte Wege. Armin Mohler zum Achtzigsten*. Hg. von Karlheinz Weissmann, Ellen Kositzka und Goetz Kubitschek. Bad Vilbel: Edition Antaios, 2000.

¹⁹ Например, на многих немецких сайтах вроде «Рабеклана».

14. Urgeistesgeschichte.

Вирт занимался реконструкцией древнейшей традиции Европы, вместе с немецкими фелькиш отстаивал идею священного германского очага²⁰ и при этом в основных своих выводах приближался к теориям европейских традиционалистов, с некоторыми из которых был знаком лично. Юлиус Эвола в своих мемуарах «Путь киновари» называет Вирта в числе своих учителей – наряду с Рене Геноном и Гвидо да Джорджио. Общался Вирт и с Ойгеном Дидерихсом²¹, и с Вильгельмом Ландигом, и с Мигелем Серрано, и с множеством других не менее интересных личностей, которых в совокупности можно было бы обозначить как носителей и проводников идеала фелькиш.

Мистическое народничество Германа Вирта проявляло себя сначала в сугубо академической сфере – Вирт преподавал нидерландскую филологию в Брюссельском (в 1917 – 1918 годах), а потом и в Берлинском университете (до 1919 г.). В Утрехтском и Лейпцигском университетах он читал лекции по германистике и нидерландской истории. Затем этнографические и культурно-символические поиски, мистическое страноведение и организация передвижных выставок приводит его к идее создания фундаментального духовно-исторического музея народной традиции.

Примерно с 1921 года он начинает углубленно изучать символику народного искусства. Вирт создает философскую этнографическую теорию, интерпретируя описанные выше знаки *ulebogden* – своеобразные перекладыны, балки, коньки на крышах старинных фризских построек, где изображались священные кресты и разнообразные животные. Убежденный в глубочайшем символическом значении традиционных декоративных мотивов, орнаментальных украшений фасадов, потолочной лепнины и предметов народного быта, Вирт проводит серьезное исследование, сопоставляя данные сакральной топонимики, археологии, наконец, устные предания и народные обычаи. Он приходит к выводу, что простейшие геометрические **символы** восходят к очень глубокой древности, что во времена праисторические именно они и составляли первичный графический язык человечества. Сегодня же они суть объекты изучения археологии, палеоэпиграфики, сравнительной мифологии и рунологии.

Символ для Вирта – это намного более надежный след, нежели миф, хотя бы уже потому, что он остается неизменным на протяжении столетий и тысячелетий, тогда как миф со временем претерпевает множество искривлений, исправлений и дополнений, так что, в конце концов, нередко от его исходной композиции остаются лишь очень невнятные очертания. Делая такое утверждение, Вирт провозглашал идею возникновения всех известных человечеству алфавитов из немногих, но очень конкретных первичных символов. Вирт добавляет также, что одним из главнейших назначений этих базовых символов была фиксация той очередности, с которой передвигаются по небосводу звездные светила. В чрезвычайно сложной концепции этого необычного ариософа астральная теория является лишь одним из важных элементов – наряду с классическим диффузионизмом (теория «культурных кругов»), типично ариософским нордизмом (идея «атлантико-нордической расы»), теориями изначального матриархата («материнское право» по Иоганну Якобу Бахофену) и изначального монотеизма (в стиле патера Шмидта), а также визионерской рунологией в стиле «фелькиш» и т.д.

²⁰ Этой теме посвящена небольшая книжка раннего Вирта, называющаяся «Немецкость земли»: Wirth Herman. *Das Deutschtum der Erde*. Berlin. 1920. 31 S.

²¹ Крупнейший йенский издатель 1920-30-х годов, долгое время оказывавшего частным исследованиям Вирта существенную поддержку, «ибо гений (т.е., Вирт – А.К.) не мог бы под гнетом нужды выполнить свою жизненную задачу». (Eugen Diederichs Verlag, Hg.: *Der Fall Herman Wirth oder das Schicksal des Schoepfertums*, Jena, 1929). По инициативе Дидерихса была, в частности, опубликована первая капитальная работа Вирта «Происхождение Человечества» (Йена, 1928).

Свой метод исследования сакральной символики Вирт обозначал с помощью типичного для фелькиш неологизма «Urgeistesgeschichte», что можно перевести как «древнейшая история Духа», «история обнаружения Духа в древности» или «древнейшая история духовной традиции».

15. У подножия Ирминсула.

Во время Первой мировой Вирт все эти свои исследования на время оставляет и уходит на фронт добровольцем. Как рассказывают его биографы, в скором времени он был откомандирован к «Flamenbewegung», и при поддержке немецкого военного правительства в Брюсселе отделился от валлонов, находившихся под французским влиянием. Император Вильгельм II был о работе Вирта осведомлен, и, более того, от мысли Вирта про «племенное родство нордических стран» приходил в полнейший восторг. Поэтому Вирту был в 1916 г. пожалован почетный титул «титулярного профессора» - в награду за пангерманистские настроения.

После нескольких лет преподавания в различных университетах Европы (Берлин – Брюссель – Утрехт – Лейпциг), исследования сакрально-культурной символики и участия в молодежном движении Dietse Trekvogel частный исследователь Герман Вирт поселяется со своей супругой Гретхен Вирт-Шмитт в Марбурге на Лане (1923 г.). Дом, в котором они отныне проживают, носит очень показательное, символическое название, крайне важное для самого Вирта. Дом супругов Вирт назывался «Eresburg» - в честь Бога войны Марса, иначе именуемого Эором. Совпадение колоссальной важности! Вирт поясняет, что его Eresburg расположен на месте древнегерманского языческого святилища. Место это неслучайное, поскольку граничит с мировой осью – Ирминсулом. Что такое Ирминсул? В мифологии древних германцев так обозначался Мировой Ясень, именуемый в древнескандинавской традиции «Иггдрасиль» (букв.: «Конь Игга», т.е., конь Одина), а в традиции древних германцев – «Ирминсул». В индоевропейской мифологии вокруг этого Древа вращается вся нордическая Вселенная, организованная незримыми токами энергий от корней к кроне и поделенная на девять миров²². Высший из этих миров принадлежит Орлу, ниже которого летает ястреб по имени Ведрфельнир (букв.: «полинявший от непогоды»), а еще ниже, в самых корнях Мирового Древа Иггдрасиль, сворачивается кольцами коварный Дракон Нидхегг, подтачивающий корни и потому постоянно конфликтующий со стражами миропорядка из Высших Миров. В индогерманской традиции имеется множество змеиных образов с космологическим значением, частично или полностью совпадающих с образом Нидхегга. Это и Мировой Змей Ермунганд, и Дракон древних иранцев (Дахака), и даже славянский Ясса (он же – Яшша или попросту Ящер).

Отношения Дракона с Высшими Мирами являются, мягко сказать, напряженными. Хотя сам Орел с Нидхеггом и не бранится, постоянство их перебранки обеспечивает снующая по Древу Мышь (белка Рататоск, букв.: «грызозуб»). Этот маленький грызун прекрасно выполняет свою медиаторную роль, выступая своеобразным архетипом германских магов и мудрецов. Кроме нее в сообщении между светлым Верхом и темным Низом участвуют также четыре Оленя, которые, стоя на крыше Вальхаллы, щиплют листья Мирового Древа Иггдрасиль.

Длинные корни этого Древа пронизывают собой все миры: Асгард (мир Богов), Мидгард (мир людей), Хель (мир мертвецов, именуемый также «Нифльхель») и те миры, в которых живут Инеистые Великаны (Хримтурсы).

Помню девять Миров,

²² Подробное описание традиционной древнегерманской космологии дано в книге современного нативиста и теоретика языческого возрождения – Антона Платова: *Платов А. Магические Искусства Древней Европы.* – М.: София, Гелиос, 2002. – 480 с., с. 26-40 и сл.

И девять Корней,
И Древо Предела – говорится в «Прорицании вельвы». А в «Речах Гримнира» (строфа 31) сказано, что при корнях расположены три космические царства, населенные различными существами:

Три корня растут
На три стороны
У Ясеня Иггдрасиль:
Хель под одним,
Под другим Великаны
И люди под третьим.

Центром мира людей, расположенным у самого основания космической Оси, является источник Урд.

Abb. 23. Die 3 Nornen an der Urdquelle.

Туда сходятся нити всех мыслимых и немыслимых существ, поскольку именно там проживают носители чистой гиперборейской мудрости. В символике это три Норны, Урд, Скульд и Верданди («Судьба», «Долг» и «Становление»), от которых зависит предестинация не только человеческого, но даже и божественного существования. Норны, как известно, прядут. Но еще они режут руны – а это намного важнее. От того, как свернется судьбоносная нить, зависит то, что будет, а от того, как вырежут руну, зависит то, что должно быть. Рунические знаки Футрака образуют план священной истории, тогда как протянутые нити судьбы координируют историю обыкновенную. В своей основе Нить есть символ континуальности, протянутой от Первопричины к самому последнему из следствий (Рагнарёк-Экпиросис). Руна, в отличие от Нити, это, наоборот, разрыв,

разрез. Любое вторжение Священного рушит логику причинно-следственных связей и подпадает под иную, Руническую Логичку.

Эта священная наука была в древности ведома таинственным Туата-де-Дананн, светлым носителям гиперборейской, атлантико-нордической сакральности, которые оставили нам не только Древний Календарь, не только загадочную систему кодировок в архитектуре (улеборден и т.п.), музыке (фригийский тетрахорд) или танце²³, но также и поразительно систему Письма, на прояснение которой Вирту понадобились долгие годы кропотливой научной работы. Свои первые концептуальные исследования по символике Рунического Языка и сакрального Календаря Вирт проводил у корней Мирового Древа – в годы своего проживания в Эресбурге, городе Марса-Эора.

В послевоенные и предвоенные годы (т.н. «Zwischenkriegszeit») потребность в такого рода исследованиях была колоссальной. Практически все уважающие себя философы, публицисты, историки и религиоведы Германии той поры только о том и говорили, что нужно немедленно, в масштабах всей Германии как минимум, вернуться к своим

²³ Взять, хотя бы, т.н. мистериальные кружения, древние экстатические пляски лабиринтального типа, о которых писал Фридрих Халльман, или же «руническую йогу» Фридриха Бернхарда Марби, бывшую, вопреки распространенному мнению, совсем не новоделом, а рискованной попыткой возродить очень древнюю ритуальную практику.

национальным Корням, прорастающим сквозь поверхностные наросты либерализма, секуляризации и капитализма. Исследователи рун и христиане, радикальные социалисты и тонкие мистики сходились на том, что существующий порядок является переходным. Вернее, это даже и не порядок вовсе, а совершенно непроглядный беспорядок, лишенный не только глубинного измерения, но даже и смысла стать надежным и долговечным. Многие умы улавливали носящийся в воздухе Хаос и оформляли общую атмосферу предчувствий в связные программы и манифесты. Одни грезили о справедливости, другие – о народности, третьи – о Магическом Повороте. Что такое Поворот? Это не только изменение курса. В духовном смысле Поворот – это Обновление, т.е., фундаментальный Переворот, разрыв Нити, кардинальное изменение самой структуры, переоценка всего, что есть во имя того, что будет. В общем, очень сложный, рунический процесс...

16. Lebensreform.

Вирт живет в Эресбурге, у самых корней Мирового Древа, разгадывая тайны древнейших графических символов, пытаясь прозреть и предугадать будущее германской нации. Вместе со своей женой Вирт по-прежнему стремится возродить древние германские традиции: биографы единогласно рассказывают очень интересную историю, относящийся к периоду проживания супругов Вирт в городе Марбург. В этот период Герман и Маргарета носили странноватые Trachten – традиционные германские костюмы, которые восходят, быть может, еще к эпохе бронзы. Прекрасно знакомый с народными традициями и последними находками археологов, Вирт полагал, что его любимая жена должна одеваться так же, как одевались женщины древности, германские жрицы, дочери Богини Фрейи²⁴.

Во время торжественных фелькиш-собраний Маргарета представляла, как правило, в таком «германском одеянии», а сам Вирт – в «развешивающемся зеленом пальто». Кроме того, Вирт практикует и активно проповедует вегетарианство, что было модно в среде мистических пангерманистов и теоретиков кардинальной «реформы жизни» (Lebensreform). Вероятно, у всего этого был некоторый оккультный смысл. Из того, что нам известно, мы можем предположить, что супруги Вирт проводили в своем марбургском доме также и ритуалы, связанные с праздниками зимнего и летнего солнцестояний.

Незадолго до своей смерти Вирт признался в одном интервью, данном небольшому региональному немецкому журналу «Гумус», что вся его жизнь была постоянной работой на дело духовной революции. При этом, говоря: «моя жизнь всегда была работой на духовную революцию»²⁵, Вирт имел ввиду определенный исторически необходимый поворот к германским этнорелигиозным, символично-культурным бытийственным истокам, который существенно выходил за рамки истории, и в самой истории так и не осуществился. Это – событие космического масштаба, подобное Мистерии Зимнего Солнцестояния – этой, по мысли Вирта, «самой священной и самой возвышенной мистерии северной души». Denn es ist die heilige Wende, die Zeit des Stirb und Werde, wo die Toten, die Seelen der Ahnen auferstehen und wiedergeboren, wiederverkorpert werden in der Sippe²⁶.

²⁴ Этот «атлантико-нордический» стиль (длинная юбка, непременно длинные волосы и рукава) в значительной степени аскетичен и сильно контрастирует с вульгарно-дискотечной модой «девочек из Эгтведа», описанной Виртом во второй, археолого-символической части «Хроники Ура Линда».

²⁵ Mein Leben ist immer eine Revolutionsarbeit Gewesen. Ein Gespräch mit Prof. Wirth. // Humus ½ (o. Jahresangabe), S. 129 ff.

²⁶ «Ибо это – Священный Поворот, время «Умри и Стань», когда в мертвые, души предков воскресают и перерождаются, снова облакаются плотью своем роду» (Герман Вирт).

17. Вечные ритмы Божьего Года.

Согласно Вирту изначально-нордическое переживание Времени, Света и Порядка было цикличным. К таким же выводам приходят мифологи самых разных направлений, и здесь Вирт ничего нового пока что не говорит. Циклическое время переживалось как «Вечный ритм природного Года Жизни». Для большинства традиционных народов священный «Год является Великим Откровением Божественного Действия во Вселенной. Год является подобием данного Богом космического закона, согласно которому всякое изменение происходит бесконечно и в режиме Вечного возвращения.

Чудесный, глубокомысленный образ Божьего Года мы видим в Природе. Многие дни образуют один год, и в каждом из этих дней сбывается подобие года: нарождается Свет, из которого происходит вся Жизнь, Он восходит на высочайшую высоту, а затем нисходит, закатывается и умирает, чтобы снова воскреснуть. Чем дню является утро, полдень, вечер и ночь, тем же весна, лето, осень и зима являются Году, в котором вся жизнь со «Светом Мира» просыпается заново, движется и развивается, достигает полного раскрытия летом, в точке космического Полдня, чтобы затем пройти через Ночь, через зимнее нисхождение в Смерть, за которым, разумеется, последует Возрождение.

Нордический человек каждый день и каждый год видел подобные иносказания своей жизни, где утро соответствовало его детству, весна – его юности, взрослению – лето и полдень, а осень и вечер – полной зрелости, через зимнюю ночь смерти ведущей его к новой жизни, к возрождению и новому становлению, воплощенному в потомстве.

В чередѣ своего вечно тождественного круговорота день образует коловращение Года, который, в свою очередь, составляет круговой бег жизни человека.

Поэтому движение по кругу и обращение вокруг себя является великим космическим законом Бога, нравственным основанием Универсума и всего Бытия. Из этого основания произрастает Бого-Переживание и любое Право-Сознание. Закон вечного Превращения, Откровение которого во времени и пространстве, главным образом, в самом течении Года, понималось атлантико-нордической расой через символ Древа Года, Мира и Жизни, находит свое подтверждение в сакральном словаре (в культовой речи) абсолютно всех атлантико-нордических языков. Соответствующее название среди прочего содержит корень *t-г* и его оборотную форму *г-t*²⁷, которая на фонетическом и понятийном уровне присутствует в словах: *drehen*, *Drehung*, *Dreher* (*Bohrer*), *Dorn* (*Baum*), «вращать», «вращение», «вращатель» («бурав»), «колючка, шип» («Древо»), т.е. Мировое Древо (Крест) Года, опоясанное колесом (*Rad*) Года и Миром. Это символ вечного космического закона, Права, Культуры, Основание, Исток всякого Бытия, Возникновения и Зачатия.

Космическая символика этого корнесловия дошла до нас и в (немецком – А.К.) слове *Art*, означающем Род²⁸, Происхождение, Традиция, и в латинских словах *ritus*

²⁷ Бывший человеком весьма проницательным, Вирт вряд ли не замечал наличия этого протокорня в своей фамилии, а, замечая, вряд ли не придавал этому факту никакого значения. Скорее всего, мы имеем здесь дело с определенной личной мифологией.

²⁸ С помощью метатезы исходное *rod* образует *ard*, *art*. Отсюда латинское *altus*, *arduus* (высокий), *ardeo*, *ardor*, а также *rud*, рдяный, родяный, *rodas*, осетинское *arta* – клятва (первоначально – Божество, которым клянутся) *rit*, наконец, древнеиндийское *vardhati* – «растет, умножается». Род и *Rta* одинаково суть Порядок-Рост-Ритм. (В замечательной статье современного религиоведа из РХГИ Алексея Рахманина читатель найдет экспликацию данной темы на материале славянского язычества и обширную библиографию. Рахманин А. Древнерусский «дуализм» в свете родопочитания. // Россия и гнозис. Материалы научной конференции. М.: Рудомино. 2002. С. 79-92). Сюда же примыкает и арийский корень *vert/vort*, от которого происходит русское «время». Этимологи Преображенский и Фасмер (Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1959, Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. М., 1964-1973. Т. I-IV. Т. I. С. 300, 361) указывают на центральность в системе коннотаций русского слова «время» идеи коловращения. Примечательно, что аналогом русского «КОЛО» является санскритское *KALAH*– «время». От «коло» образованы такие слова, как околица и коловрат – древнерусская восьмилучевая свастика. - Прим. пер.

«приведенный род», «ритуал», «обычай», ars (gen. artis) «искусство», «наука», «умение», но особенно – в древнеиндийском слове rta»²⁹.

18. Der Aufgang der Menschheit.

Таким размышлениям о вечном круговороте Колеса Времени, об изначальном нордическом Бого-миро-воззрении и «Великом Откровением Божественного Действия во Вселенной» Вирт предавался в годы своего проживания в Эресбурге – у корней Мирового Древа Иггдрасиль в Марбурге на Лане. Именно тогда им была подготовлена к печати первая объемная работа, фрагмент из которой мы только что процитировали. Это – монументальное исследование Германа Вирта под названием «Происхождение Человечества»³⁰, которое вышло в 1928 в Йенском фелькиш-издательстве Ойгена Дидерихса. По существу – очень толстый том, с руническими знаками, атласами и схемами. Подзаголовок «Происхождения Человечества» звучит так: «Исследование по истории религии, символики и письма атлантико-нордической расы».

В этом исследовании Вирт собрал колоссальный эмпирический материал, привлекая к рассмотрению самые разные религиозные и этнолингвистические традиции: начиная от древних шумеров, египтян, греков, индейцев пуэбло, финикийцев, маорьев и филистимлян – и заканчивая народами Сибири, также сохранившими очень многие элементы древней космической символики.

Все эти элемент в глобальной реконструкции Вирта были сведены воедино и представлены как изначальное откровение Бога и Года Божьего, прошедшее сквозь века, но утратившее свой изначальный, протописьменный, сакрально-символический смысл. Это и не удивительно: Вирт исходил из представления, что «для нашего современного урбанизированного человека»³¹, живущего в отвратительной клоаке душного мегаполиса, вся эта космическая символика с ее колоссальными духовно-метафизическими смыслами – это в лучшем случае большая загадка, а в худшем – полнейшая бессмыслица.

Современные западный человек, с его постоянно нарастающими темпами работы и жизни, с его жадой прогресса и денег, которая поставлена то ли на конвейер, то ли на пьедестал индустриального кошмара – это человек, явно не способный воспринять и пережить полноту космического откровения. «Божий Год должен приносить в природу Обновление, путь к которому для современных западных людей закрыт. Ибо, если бы они снова поняли весь его Смысл, то они перестали бы делать смыслом своей жизни ошибочную погоню за Мамоной, и не стали бы объявлять бессмысленную индустриализацию и урбанизацию «экономическим» развитием и необходимостью. Тогда они не стали бы превращать глубочайший материализм и свою собственную духовную скудость, низость и слабость в черты Духа Времени, с которым современный человек должен «быть созвучен»»³².

Подлинный Дух Времени – *Zeitgeist*³³ – проявлял себя лишь в здоровом ритме Года Божьего, в жизни крестьян и добрых нордических дикарей, способных жить естественно и не подлаживать весь мир под свою «философию». Ежегодное и ежедневное наблюдение за Солнцем, переживание космической символики, запечатленной в знаках и символах, ожидание крупнейшей мистерии Годового Цикла – Зимнего Солнцестояния – все это составляло, согласно Вирту, основу основ традиционного Бого-Миро-Понимания и Бого-Миро-Переживания.

²⁹ Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Jena, 1928, S. 193-194.

³⁰ Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Untersuchungen zur Geschichteder Religion, Symbolik und Schrift der Atlantisch-Nordischen Rasse. Textband I: Die Grundzuege. Jena, Diederichs, 1928, 632 S., 68 Abb., 28 T.

³¹ Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Untersuchungen zur Geschichteder Religion, Symbolik und Schrift der Atlantisch-Nordischen Rasse. Jena, Diederichs, 1928, S. 194.

³² Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Jena, Diederichs, 1928, S. 194.

³³ Подробнее о понятии *Zeitgeist* и консервативно-революционном контексте рассуждений Вирта см. в книге Пьера Бурдьё: Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. – М.: Праксис, 2003, с. 25-79.

Непосредственным его графическим обнаружением оказывалась «Изначальная символика» (Ursinnbildschrift), дававшая человеку традиционного общества последнее основание для жизни и мысли. Обнаруживая элементы этой Ursinnbildschrift в собранном им материале, Вирт стремился выделить наиболее древнее, наиболее подлинное зерно, вокруг которого вращается весь ансамбль календарных представлений и космологических знаков. В «Происхождении Человечества» Вирт описывал мировоззрение человека эпохи палеолита с такой, (а, быть может, даже еще большей) легкостью, чем та, с которой западные биографы описывают мировоззрение самого Вирта. Вероятно, это и есть зловещая печать урбанизации, которая, если верить Вирту, помутняет разум, удаляя его от изначальной гиперборейской свежести.

Изначальным содержанием протописьменного послания была, согласно Вирту, Благая Весть о Спасителе, грядущем освободить Человечество в Мистерии Зимнего Солнцестояния. Это – главная тема многочисленных значков, закрытых для понимания современных людей, но раскрывшихся перед Виртом после нескольких лет проживания в древнем городе Эресбург. Космическая символика Спасителя – это и есть символика изначальной религии человечества, символика универсальная по своему значению и передающая глубинное сотериологическое упование. Ключ к праисторическому мышлению Вирт обнаружил не сразу. Сначала пришлось переработать множество древних языков, рунических рядов и протописьменных (пиктографических) систем, каждая из которых содержит несколько слоев более поздних напластований и, в то же время, таит в себе подлинное, необычайно древнее нордическое зерно. Этим зерном для Вирта оказалось стилизованное изображение умирающего и воскресающего Сына Божьего, приходящего в наш деградировавший мир в точке Зимнего Солнцеворота (22 или 25 декабря).

По мнению Вирта, изначальной верой человечества был солнечный, полярный монотеизм. Именно такая форма представления о Божестве и о Спасителе составила основу раннего христианства, которое потом претерпело неизбежную метаморфозу, отчасти связанную с тлетворным влиянием индустриализации и урбанизации.

Носителем этой гиперборейской Изначальной Религии была «атланти-нордическая раса». Это – те самые племена Туата Де Дананн, о которых много интересного рассказывается в сагах Древней Ирландии. Однако на этом все не заканчивается. По Вирту, атланти-нордическая раса происходит от другой, еще более древней и сакральной расы, расы «арктически-нордической». Размежевание между атланти-нордами и нордами древней Арктиды произошло во времена праисторические, примерно в третичный период, т.е., более двух миллионов лет тому назад. Тогда Арктика еще не была покрыта льдами и вполне подходила для обитания. Это были теплые, плодородные земли с умеренно густой растительностью и пресными водами. Однако, вследствие разительного ухудшения климата, наступившего в четверичный период и повлекшего за собой тяжелейшие климатические катастрофы, атланти-нордическая раса (в которую со временем переродилась раса нордов Арктиды) была вынуждена покинуть свою Полярную Родину, удалившись в другие земли, более пригодные для проживания.

Именно эта праисторическая миграция и является главной причиной того, что между различными культурами, проживающими по ту и по эту сторону Атлантики, наблюдается такое разительное сходство. В большинстве случаев, однако, мы имеем дело с результатами глубинной метиссации, произошедшей между прибывшими из Арктической Родины атланти-нордами и мирными автохтонами занятых ими территорий. Разумеется, последние составили низший, порабощенный слой кормителей, тогда как атланти-норды распределили между собой роли священников и правителей. Они дали народам всего мира глубинный космический Календарь, поведали о Мистерии годовичного нисхождения Сына Божьего, рассказали о символике рунических знаков.

Колонизованные народы были явно не в обиде. Однако своим пассивным разумом они всего корпуса спасительных откровений усвоить так и не смогли. Поэтому

образовались существенные расхождения между языками и культурами, между культовыми и ритуальными практиками. Однако самое существенное расхождение состояло отнюдь не в этом.

Изначальное атлантико-нордическое общество было сугубо матриархальным. Народы Арктиды почитали своих Белых Дам и пророчиц, воспринимали женщину как источник и носительницу непостижимой сакральности, как высший духовный авторитет и подательницу жизни. Женщина была для мужественных атлантико-нордов предельной ценностью Духа, воплощением Матери-Земли и носительницей высших спасительных истин. Однако в ходе космической и культурно-символической деградации наметился качественный надлом как в миропонимании, так и в жизненной практике всего человечества. Матриархальное понимание бытия стало уступать место «патриархально-властно-политическому» мышлению (*maennerrechtliches machtpolitisches Denken*) и т.н. «отцовскому праву». Это отцовское право пришло с Востока и с Юга и стало причиной фундаментальной космической трагедии.

Трагедия Севера – это фактически трагедия изначального матриархата, который с окончанием величественной культуры мегалитов (ок. 2000 до Р.Х.) уступил место более рациональному, прагматичному и деловому строю Отцов (жрецов и политических вождей). Этот качественно новый строй, порядок патриархата и отцовского права³⁴, утвердился во всей Европе и стал основной причиной «духовной деградации германцев»³⁵.

19. Тотальная реконструкция и ее задачи.

Именно из отцовского права и пришла в духовную жизнь Европы поверхностно-материалистическая интонация, звучащая в любых рассуждениях об эволюции, прогрессе и совершенстве технических ресурсов. В этой ситуации Вирт выдвигал несколько вполне конкретных задач, касающихся переустройства германского бытия и мышления. Первая из них сводилась к тому, чтобы мужественно противостоять наглым тенденциям «бескультурной, технико-материалистической цивилизации»³⁶, которая посредством алкоголя, никотина, постоянно потребляемого мяса и тлетворной буржуазной роскоши вытраивает из душ последние остатки древнего Бого-Миро-Переживания.

Вторая принципиальная задача состояла в том, чтобы переосмыслить роль женщины, забитой в угол технического универсума как его слуга и безропотная жертва. Эту задачу Вирт определил как «*Gang zu den Muettern*». В «Происхождении Человечества», «Священной Протописьменности Человечества», в «Хронике Ура Линда» и других важных работах Вирта («Что значит быть немцем?», «Священный Поворот», «Книга о Палестине», «Одала», «Древнейшие руны Великого Бога»³⁷ и т.д.) были сделаны лишь

³⁴ Что по теории Вирта совсем не одно и то же, ибо патриархат – лишь внешнее обнаружение более глубокой структуры, основанной на восприятии Божества. В изначальную эпоху Божество было андрогинным – например, космический Дух Вральда – однако затем Его стали переживать как преимущественно мужское начало. Уже здесь, на уровне умозрения и теологии, наметился качественный отход от примордиального матриархата Арктиды.

³⁵ *Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933, S. 270.*

³⁶ *Wirth Herman. Was heisst deutsch? Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1939. S. 43.*

³⁷ Некоторые русские биографы приписывают Вирту авторство книги под названием «Вавилонский вопрос». Хотя книги с таким названием у Вирта и нет, имеется работа «Гомер и Вавилон», вышедшая во Фрейбурге в 1921 г. В этом обстоятельном труде по классической филологии были обозначены разумные границы популярной в то время концепции «панвавилонизма». Другая задача книги состояла в том, чтобы указать на необъяснимость «Илиады» и «Одиссеи» из них самих, а, значит, заложить основания для дальнейшего исследования культурных пересечений гомеровских греков с ассирийцами, вавилонянами, финикийцами, аморреями, критянами, хеттами и прочими народами. Например, в этой книге Вирт упоминает о финикийских чертах Афродиты, которые, вполне вероятно, восходят к семитическому культу Иштарь-Астарты, а также замечает, что «излюбленное сегодня отрицание семитизма так же отпадает при строго-

отдельные шаги на этом пути, который, буде он действительно пройден всем западным человечеством, привел бы, вероятно, к самым истокам – в арктическую колыбель сакральной символики.

Помимо культурно-исторических Вирт провозглашал также и некоторые конкретно-исследовательские, методологические задачи, от неисполнения которых зависела, фактически, вся неудача гуманитарной науки той поры и от исполнения которых могла бы возникнуть совсем другая наука в совершенно ином контексте.

В «Происхождении Человечества» Вирт провозглашал две главные задачи, стоящие перед германистикой, тесно связанные друг с другом и судьбоносные для всех потомков атланта-нордической расы. Первая задача состояла в том, чтобы освободить «чистую немецкую науку» из «болота» «науки либеральной», которая была для Вирта худшим из проявлений германского духа. Вторая задача состояла в том, чтобы непостижимым усилием творческой воли разбудить древние мифы «арийско-нордической изначальной культуры» и тем самым достичь «освобождения человечества от пятен цивилизации»³⁸.

20. «Заговор мохнатых».

Осознав всю нелепость ситуации, в которую забрела европейская наука к началу 20 века, Вирт сначала предложил, а потом и осуществил идею этого широкого междисциплинарного синтеза, в котором присутствовали не только философия, археология, этнология и филология, но также и менее признанные науки. К примеру, атлантология, т.е., учение об Атлантиде, ее локализации, ее культурных и религиозных контактах и особенностях. Кроме того, в своей первой монументальной книге «Происхождение Человечества» Виртом широко применялся метод компаративистики – как филологической (за полвека до В.М.Иллич-Свитыча!), так и религиоведческой.

В науке о религии, где к тому времени присутствовало строгое «разделение труда», филологи (Рихард Райценштайн, Отто Вайнрайх и др.) старались заниматься только филологией, этнологи (Бронислав Малиновский или Д.Фрезер) боялись выйти за рамки этнологии, а теологи и философы, например, Вильгельм Шмидт или Отто Пфлейдерер, ограничивали сферу профессиональных интересов преимущественно теологией или философией. Любая попытка широкого и междисциплинарного взгляда на вещи встречалась крайне недоброжелательно, что объясняется не только формальностью западного интеллекта, но также и желанием сохранять неизменной академическую структуру с ее отделениями, кафедрами, аспирантами, дипломантами, соискателями и профессорами.

Проект Вирта был неудобен вдвойне, поскольку он не только привлекал новые, «невалидные», «эвристически негодные» дисциплины (вроде атлантологии), но также открыто провозглашал свою оппозиционность по отношению к «либеральной науке прошлого». Вирт сознательно пренебрегал методами критического анализа, отдавая предпочтение интуитивным догадкам в стиле фелькиш. Поскольку набранный им материал был попросту колоссален, какие-то интуиции Вирта, естественно, оказывались преждевременными. Однако во все века преждевременно высказанная истина представлялась критическому большинству непростительной ошибкой: те, кто казнил Лавуазье, отравил Сократа цикутой, посадил в тюрьму Галилея и сжег Джордано Бруно, были по-своему правы – именно как представители *scientific community*, не приемлющие никаких новаций.

Таких узко-специализированных чиновников от науки в Германии называли словечком «Zunft», а в России зовут «мохматыми». Эниолог Фиряз Ханцеверов

научном рассмотрении, как в свое время отпали некогда «современные» антиклерикальные тенденции». (Wirth Herman. Homer und Babylon. Freiburg. 1921. S. VI).

³⁸ Kater Michael H. Das Ahnenerbe der SS 1935-1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Muenchen, 1997 (Stuttgart 1973, Muenchen, 2001), S. 12.

совершенно верно говорит, что «появление новых научных представлений ущемляет социальный статус уже существующих – отпускаемые обществом на науку средства приходится делить на большее число ртов. Это – с одной стороны.

С другой стороны, реальный прогресс науки означает радикальную ломку господствующих представлений, сопровождающуюся изменениями и в структуре научного сообщества. По здоровой логике развития старая элита должна обновляться носителями новых идей. Патриархов истины и чести, однако, фатально мало. Не в пример чаще возникает заговор «мохнатых» против новаторов. Далее события развиваются по сформулированному В.Оствальдо (1978 г.) «алгоритму успеха» или около того. Сначала новое направление просто замалчивается. Это, как правило, не срабатывает, поэтому далее следует уничтожение критикой. Наконец, «мохнатые» вместе со всеми, а часто громче всех, признают его истинность, но с тем большей непримиримостью отрицают его новизну. Если в этом месте сценария новатор или новаторы проявят благоразумие и вовремя отдадут богу душу, влиятельные авторитеты, возможно, поделятся с усопшим приоритетом. Если же возвеличивает строптивость, «алгоритм успеха» заменяется более эффективными методами узаконенного беззакония, которые лишают «мученых» шансов на честь быстрее, нежели вирус СПИДа»³⁹.

Несмотря на то, что Вирт преподавал в крупнейших университетах Германии и Нидерландов и фактически входил в число основных специалистов по германистике той поры, неприязнь к нему со стороны кафедралов была колоссальной. На то имелись существенные причины, коренящиеся как в самой доктрине Вирта, так и в личном отношении отдельно взятых профессоров к науке фелькиш как таковой. Для многих предложенная Виртом заявка на создание новой и всеобъемлющей *Urgeistesgeschichte* казалась не то что разрушением, размыванием отдельных дисциплин, но, даже, более того, – опасной «псевдонаукой» или «наукой для дилетантов».

Но самый существенный упрек состоял отнюдь не в дилетантизме. От позорной клички «*Laien-Forscher*» Вирту даже не было смысла отмахиваться, ибо она явно была ему не к лицу. Ученых обеспокоило другое. «Вирт говорит тоном пророка», «Вирт хочет пересоздать европейскую науку», «Вирт придумал новую религию и стремится выдать ее за религию германцев» - вот что взбудоражило многие умы и добавило в огонь масла, яда и чернил.

21. Антивиртовская мозаика.

Узость кафедральных подходов не могла вместить междисциплинарных культурно-исторических обзоров, разлагая их на составляющие и критикуя каждую из этих составляющих в отдельности. В этом отношении показателен сборник «Герман Вирт и немецкая наука», вышедший в Мюнхене в 1932 году под редакцией берлинского историка и геолога Фрица Вигельса. В этом сборнике критических работ каждый из специалистов обсуждал только свою отдельную область, стремясь показать, что Вирт в этой области некомпетентен и потому не является авторитетом. Если Вирт, подобно титанам Ренессанса, исследовал почти все на свете, и поэтому писал в своих работах *de omnibus et quibusdam aliis*⁴⁰, то здесь каждый ученый стремился проявить свою узкопрофильную компетентность, не залезая никуда, кроме своей отдельно взятой дисциплины. Отсюда – содержание сборника, который, по аналогии со знаменитой «антифоменковской мозаикой» можно было бы назвать «мозаикой антивиртовской»:

- Проф. Фердинанд Борк, Кенигсберг: «Герман Вирт как ориенталист»,
- Проф. Л.Вольфф, Геттинген: «Герман Вирт как германист»,
- Проф. Н.Плишке, Геттинген: «Герман Вирт и этнология»,

³⁹ Ханцеверов Ф.Р. ЭНИОЛОГИЯ: чудеса без мистики. Книга научных версий. – М.: Международная академия энергоинформационных наук. АНМ, 1999. – 445 с., с. 8.

⁴⁰ Обо всем на свете и еще кое о чем (лат.).

- Д-р Бруно К. Шульц, Мюнхен: «Герман Вирт и антропология»,
- И, наконец, сам д-р Фриц Вигерс (Берлин) написал для сборника (помимо предисловия) два пространных очерка: один под названием «Герман Вирт и биология», а другой – «Герман Вирт и древнейшая история».

В обобщающем предисловии к сборнику «антивиртовской мозаики» д-р Фриц Вигерс говорил о том, что фактам в концепции Вирта не соответствует самые ее ключевые моменты. Критический рационализм Вигерса отказывался принимать и баснословный остров Атлантиду, расположенный, по мнению Вирта, в районе отмели Доггер, и арктическую теория происхождения северной расы, и Виртову сериологию, согласно которой первая группа крови является изначальной, и теория миграций атлантов в районы Африки и Полинезии. В работах Вирта слишком много гипотез и слишком мало «научности» - настаивал дотошный Вигерс. «Страница за страницей, слово за словом открываются острейшие противоречия между утверждениями Вирта и результатами современных наук» (Ф.Вигерс).

Например, в отношении важного для Вирта африканского письма Бамум лингвисты 1930-х отказывались признавать какую-либо глубокую древность. По их мнению, письмо Бамум возникло не ранее 18 или даже 19 века. Поскольку для Вирта это письмо (также как и западноафриканский шрифт Vai) был одним из доказательств колонизации Северной Африки атланта-нордами, произошедшей еще в эпоху верхнего палеолита (ок. 10 тыс. лет назад), у лингвистов возникало множество претензий и недоумений. Все они были бы не лишены смысла, если бы не было известно, что письмо Бамум, созданное, действительно, лишь во времена правителя Ньоя (Njoja), было образовано из куда более раннего идеографического письма, которое бытовало в африканском народе с незапамятных времен. Кроме того, для Вирта вопросы точных датировок и хронологии как таковой не представляли особого интереса: его отступление от традиционного для западной науки историзма было вызвано крайней древностью тех пластов культуры, над реконструкцией которых он работал всю свою жизнь.

Исследуя пути древнейших атланта-нордических миграций, Вирт, как и многие другие ученые, опирался в значительной степени на собственную интуицию. В лингвистике его ориентиром был рунический строй Футарк, совпадавший, по мнению Вирта, с письменностью атланта-нордов. Наиболее древние ее образцы Вирт датировал 25 000 лет до Р.Х. Именно тогда, по мнению нидерландско-немецкого ученого, была составлена древнейшая в истории человечества надпись, обнаруженная в Монегане (Moneghan). Современные Вирту лингвисты возражали по этому поводу, что монеганскую находку от рунического строя Футарк, возникшего не ранее эпохи переселения народов, отделяет не одно тысячелетие.

Все эти претензии и возражения не казались Вирту особенно существенными, поскольку в своем исследовании он шел не столько от датировок, сколько непосредственно от самого материала. Свободно сопоставляя данные древнейших языков, Вирт и не задумывался о том, что нужно следовать принципам историзма или тем правилам, на которые ему указывали коллеги-филологи. Так, например, геттингенский профессор Л.Вольфф в статье «Герман Вирт как германист» перечислял следующие его основные неточности, возведенные в ранг методологии:

- Краткие гласные в работах Вирта выдаются за долгие, а долгие (по ситуации) прочитываются вместо кратких.
- Гласные для Вирта не значат практически ничего, а консонанты значат крайне мало.
- Дифтонги, по Вирту, совсем не относятся к Праязыку, а потому не являются препятствием для сближения разных языков и реконструкции изначальной парадигмы.

22. Два вектора генотеизма.

Наиболее интересным образом все эти особенности филологического метода проявились в реконструкции изначального пантеона Европы и в сопоставлении имен различных Божеств. Выстраивание всевозможных цепочек идентификаций вообще характерно для ариософии: именно в этом вопросе Вирт крайне напоминает других германистов ариософского толка, в частности, Рудольфа Джона Горслебена. Вот, к примеру, две цепочки отождествлений, одна из которых принадлежит Горслебену, а другая – Вирту.

Горслебен: «Krist-All = All-Krist = Allgott = All-Vater = Welt-All = Allgeist = Athem = Atman = Odhin = Odem».

Вирт: «Urana = Ur-Ahne = Varuna = Uruka = Urraka» или «Thor = Туг = Ullr = Siegtyr» и т.д.

Разумеется, для академической германистики такой ариософский подход представлялся неприемлемым, о чем Вирту сразу же напомнил один из его наиболее дотошных критиков Л.Вольфф: «Наука недавнего времени познала, насколько ложным является стремление к отождествлению малых Богов друг с другом и с Великими Богами. Этот метод извращает подлинную картину распространения, развития и времени существования различных культов и не позволяет проникнуть в содержание источников. Но Вирт объявляет тождественными даже таких Великих Богов, как Тюра и Тора, и, конечно же, Зигтюра, имя Которого, согласно источникам, обозначает Одина, а также идентифицирует Тюра-Тора-Зигтюра с Ульльром и т.д. Несомненно, этот мощный прием является простейшим средством, чтобы на место множества Богов поставить желаемое Единое. А то, что эти множественные Боги в наших источниках отличаются друг от друга вполне конкретными, отчетливыми чертами, то, что они зачастую призываются вместе, и даже то, что их изображения могут стоять неподалеку друг от друга в одном и том же святилище, - это для Вирта никакого препятствия не составляет».

Вольфф исходил из представления, которое казалось бесспорным лишь для одного из направлений германистики. Разделение Богов на великих и малых – это проекция знаменитой теории генотеизма, предполагающей, что на протяжении истории верования различных народов трансформировались от политеизма в сторону монотеизма и в одной из переходных фаз породили такую ситуацию, когда еще сохранялся политеизм, но при этом некоторые из верховных Богов возвысили свою власть над остальными. Классический пример здесь – власть Зевса над двенадцатью Олимпийцами или возвышенное положение Тримурти (Брахма-Вишну-Шива).

Генотеизм – это не многобожие (поскольку уже имеются начатки монотеизма), но и не строгий монотеизм, ибо наличие Богов, альтернативных Единому не отрицается. Последнее сразу же бросается в глаза, тогда как отличие генотеизма от обычного многобожия ясно далеко не всегда. Поэтому многие историки религии, начиная с автора концепции генотеизма Макса Мюллера, проводят здесь строгую грань. «Генотеистические религии отличаются от политеистических тем, что, признавая существование различных божеств или названий божеств, они представляют каждое божество как независимое от всех остальных, как единственное божество, присутствующее в сознании верующего во время культовых действий и молитвы»⁴¹.

Забегая несколько вперед, скажем, что типичным примером генотеистической теологии является «система персонажей» Хроники Ура Линда, в которой каждое из действующих лиц представлено как некоторая эманация Космического Духа Вральды, выпущенная на мировую арену одной из трех предсуществующих Прародительниц. Нередко отмечавшуюся нехватку в «Хронике...» подробных описаний «культовых

⁴¹ Мюллер, Макс. Введение в науку о религии: Четыре лекции, прочитанные в Лондонском Королевском институте в феврале-марте 1870 года. – М.: Университет, 2002, с. 73.

действий и молитвы», восполняемую разве что упоминаниями «Священной Лампы из Тексланда» и спонтанного визионерства народных матушек, можно понимать так, как это понимал и сам Вирт. По его мнению, пышные культы, длительные молитвы и заунывные причитания на тему «Deus otiosus»⁴² духовно и психологически чужды северной расе и куда как более свойственны народам Средиземноморья⁴³.

Но даже если мы согласимся, что система Богов в «Хронике Ура Линда» является генотеистической, то нам все равно придется сделать, по меньшей мере, два очень важных уточнения. Во-первых, в языке историков религии 19-20 веков понятие генотеизма (или катенотеизма, что то же самое) было окрашено строго эволюционистски, а это значит, что коллизии «Единого и многих» предшествовала совсем не доминация Единого (как в «Хронике Ура Линда»), но стихийный первобытный политеизм, который затем был упрощен и, так сказать, «упорядочен». Во-вторых, Вирту как стороннику теории изначального монотеизма, совсем не было нужды соглашаться с обеими схемами, ни одна из которых не препятствовала голландскому ученому сопоставлять самые разные пантеоны и выводить типологические аналогии.

Критика Вольфа и д.п. была, поэтому, направлена как бы мимо Вирта: во-первых, потому что для Вирта никаких «Великих Богов» не существовало»: в виртовской системе был лишь один поистине Великий Бог, а все прочие фигуры пантеонов рассматривались в качестве Его календарных манифестаций. Эта «ученая теология», подобно реконструкциям Вольфа, признавала в становлении древнегерманского пантеона наличие определенного генотеистического периода, однако рассматривала его не как результат упрощения политеизма, но как один из периодов отступления человечества от изначального нордического единобожия. Фактор «времени, развития и распространения различных культов» играл в концепции Вирта действительно малосущественную роль.

Это было вызвано тем, что Вирт стремился выйти на уровень универсалий, расширяя материал своего поиска далеко за пределы отдельно взятой германской традиции. В определенном смысле постановка вопроса «Герман Вирт как германист» вообще является некорректной, хотя бы уже потому, что работы Вирта не были посвящены одной традиции германцев, бывшей лишь иллюстративным материалом для более широких междисциплинарных обобщений.

23. «Общество Германа Вирта».

Несмотря на длительную дискуссию о научном статусе теории Германа Вирта⁴⁴, а, быть может, и благодаря ней, у атланти-нордической теории нашлось великое множество

⁴² «Удалившийся Бог» (лат.).

⁴³ Эту мысль мы встречаем также и в работах Ю.Эволы, посвятившего целую главу одной из своих книг определению «средиземноморской души» и пришедшего к следующему выводу: «В первую очередь, чисто «средиземноморской» чертой является любовь к показным поступкам и красивым жестам. Средиземноморский тип нуждается в сцене, если и не для удовлетворения низменного тщеславия и эксгибиционизма, то хотя бы потому, что его воодушевление и порыв (даже в достойных, славных и искренних поступках) нередко вспыхивают лишь благодаря присутствию зрителей; невозможно отрицать, что довольно значительную роль в его поведении играет забота производимом эффекте». (Эвола Юлиус. Люди и руины. – М.: Русское Стрелковое Общество, 2002, С. 226-227).

⁴⁴ Эта научно-публицистическая баталия, в которую были вовлечены крупнейшие интеллектуальные центры тогдашней Германии, длилась примерно с 1928 по 1936 год – т.е., от выхода одной из главных книг Вирта («Происхождение Человечества», 1928 г.) до выхода следующего монументального труда под названием «Священная Протописьменность Человечества», 1936 год). За эти годы отношение к теориям Вирта неоднократно менялось, ее горячие адепты становились ее противниками, а противники обращались в сторонников и т.д. Дискуссия разворачивалась на страницах наиболее влиятельных изданий (Nordische Welt, Nordland, Nordische Stimmen, Hammer, Die Sonne, Germanien, Mannus, Reichawart и т.д.) и составила в истории эзотерики и науки национал-социализма целый период, названный немецким краеведом Карлом Феликсом Вольффом периодом «Борьбы вокруг Германа Вирта». (Wolff Karl Felix. Um Herman Wirth. Eine Uebersicht ueber den Kampf um Herman Wirth und ueber die einschlaegigen wissenschaftlichen Streitfragen. // Natur und Kultur, Wien, № 1933, 30, S. 4-9).

всевозможных адептов, начиная от сотрудников высшей школы и заканчивая влиятельными банкирами, готовыми вкладывать в разработки Вирта солидные суммы. Как это ни странно, в числе спонсоров Вирта были даже еврейские интеллектуалы⁴⁵, увидевшие в самобытной теории изначального монотеизма нечто достойное распространения и финансирования. Герман Феликсович не стеснялся брать деньги у самых различных субъектов, однако вне зависимости от того, кто бы ни проплачивал ту или иную раскопку или экспозицию, Вирт всегда оставался верен собственной цели и все делал по-своему.

В 1928 в его жизни происходит важное событие. Не без помощи своих спонсоров Вирт основывает *Herman Wirth Gesellschaft* – «Общество Германа Вирта», находившееся в Берлине и явившееся продолжением давней традицией ариософских фереинов⁴⁶ и своего рода «Аненербе» до «Аненербе». Примечательно, что во времена институционального существования «Аненербе» Общество Германа Вирта продолжало существовать, сохраняя определенную автономию. С самого своего основания *Herman Wirth Gesellschaft* обозначило себя как центр «публикации, распространения и углубления» идейного наследия Германа Вирта⁴⁷. Туда входили экзальтированные особы паранаучного склада, к которым сам Вирт не мог относиться без некоторой усмешки. Позднее это общество обожателей Вирта трансформировалось в «*Gesellschaft fuer germanische Ur- und Vorgeschichte*», т.е., в «Общество по изучению древнейшей германской истории». Со временем, когда в эту организацию вступили такие светила фелькиш-науки, как германист Бернхард Куммер (автор знаменитой монографии «Закат Митгарда»), профессиональный геомант Вильгельм Тойдт, философ Гуго Бергман, а также фелькиш-писатель Йоханнес фон Леерс и крупный специалист по германистике Густав Неккель, «Общество по изучению древнейшей германской истории» стало приобретать широкую мировую известность.

Этому в немалой степени способствовал находящийся под его влиянием журнал «Нордический мир» (*Nordische Welt*), одно время являвшийся рупором идей Вирта (этим изданием заведовала жена Йоханнеса фон Леерса, бывшая также и секретаршей Вирта). Число сторонников атлантико-нордизма стремительно росло: поднимавшиеся в книгах Вирта темы культурпессимизма, расизма и реформы жизни, постоянный акцент на неизбежности перемены жизни в самом ее основании, ревитализации и возвращения к сакральным истокам были вполне своевременны. Выраженные в яркой, экспрессивной форме, эти моменты находили живейший отклик в сердцах широчайшего круга немецких патриотов.

Многие из них приняли в «Борьбе вокруг Германа Вирта» весьма активное участие. В ответ на сборник Фрица Вигерса вышло несколько изданий, одно из которых содержало прямую аллюзию на книгу Вигерса уже в самом своем названии: «Что значит Герман Вирт для немецкой науки?» Ответ на этот сложный вопрос пытались дать такие специалисты по германской традиции и другим дисциплинам, как небезызвестный историк символики Эрих Юнг (автор книги «Германские Боги и герои в христианскую эпоху»), а также упоминавшийся уже Густав Неккель (*Neckel*), фольклорист Ойген Ферле, историк Герхард Хеберер, культуролог Йозеф Стрциговский и другие.

⁴⁵ Это известно из письма Г.Вирта В.Хавербеку от 06.08.1933 г., которое хранится в личном архиве Вирта (Берлинский Центр Документации).

⁴⁶ В Германии межвоенного периода существовало около сотни крупных ариософских организаций, из которых нам известны далеко не все. Одна из наиболее скромных статистик говорит, что между 1870 и 1945 годами было около 69 крупных фелькиш-организаций, если учитывать лишь те фереины, в которых имелась собственная религиозная доктрина (например, сообщества арманистов или вотанистов). На самом же деле фереинов, подобных «*Herman Wirth Gesellschaft*», было намного больше. (*Hieronimus, Ekkehard. Zur Frage nach dem Politischen bei voelkisch-religioesen Gruppierungen. // Taubes, Jacob (Hg.) Der Fuerst der Welt. Carl Schmitt und die Folgen. Padeborn u.a. 1983, S. 316*). Во времена институционального существования «Аненербе» Общество Германа Вирта продолжало существовать, сохраняя определенную автономию.

⁴⁷ Из письма Г.Вирта Михаэлю Катеру от 06.04. 1965.

Редактором и составителем выступил Альфред Боймлер. Это фигура весьма интересная: крупный философ, в будущем – почетный идеолог НСДАП и профессор педагогики в Берлинском университете, Боймлер (1887 – 1968) обладал живым и непосредственным умом и подверг критике с позиции ницшеанства почти все наследие немецкой классической философии. Разрушая метафизику эпохи Просвещения, Боймлер славил волю к власти и Сверхчеловека⁴⁸, от прославления которых – так чувствовал Боймлер – зависела судьба Германии.

В своем ницшеанстве этот автор был крайне непоследователен, хотя, впрочем, представить себе «последовательное ницшеанство» было бы непросто. Непоследовательность в рецепции ницшеанских идей состояла в том, что, принимая миф о Сверхчеловеке и проповедуя волю к власти, Боймлер отказывался при этом принять идею вечного возвращения. «В действительности эта идея, даже если взглянуть на нее изнутри самой ницшеанской системы, не имеет никакой значимости» – полагал Альфред Боймлер. Однако при этом он смело выступил в защиту Вирта, вся циклология которого фактически была основана именно на теории вечного возвращения. В этом была как непоследовательность, так и некоторая закономерность. Боймлер и Вирт – это фигуры очень важные для всей философии Третьего Рейха. Однако нетрудно заметить, что в отношении к ницшеанству их взгляды были зеркально различными. Если Боймлер был ницшеанцем и при этом от идеи вечного возвращения отказывался⁴⁹, то Вирт – по ту сторону Ницше и с отсылкой совсем к другому контексту – утверждал идею Вечного Круговорота Божьего Года как основной принцип арийского мировоззрения.

Это один момент. Второй момент заключался в том, что оба эти мыслителя находились под несомненным влиянием «Материнского права» И.Я.Бахофена, одинаково признавали ее глубокую истинность, но при этом делали из теории швейцарского юриста совершенно разные выводы. При чтении их работ это отличие сразу же бросается в глаза. Отличие состояло в том, что в Третьем Рейхе Боймлер активно пропагандировал тайные мужские союзы⁵⁰, тогда как Вирт всеми силами предостерегал от свойственной таким союзам мизогинии, ставшей одной из главных причин коллапса матриархальной системы (а также, по мнению Кюмона, кризиса мистерий Митры⁵¹ и, по мнению Вирта, причиной падения Третьего Рейха).

Как это ни странно, несмотря на все эти теоретические расхождения, Боймлер стремился выгородить Вирта перед обозленным научным сообществом. В своем предисловии к сборнику «Что значит Герман Вирт для немецкой науки?» Боймлер доказывал, что все противоречия между Виртом и немецкими учеными обусловлены скорее общественно-политической, нежели собственно научной стороной мировоззрения Вирта.

Соавтором Боймлера по этому сборнику был видный берлинский германист Густав Неккель, отмечавший, что Вирту все его ошибки были прекрасно известны, а потому его следует не ругать за фантазии и дилетантизм, а хвалить за скромность и трезвую самокритичность. Именно в силу своей самокритичности Вирт в отличие от большинства современных ему ученых не отваживался присоединиться к расхожим теориям, создавая свою собственную теорию древнейшей культуры. Вся критика Виртом академических ученых сводилась, по мнению Неккеля, к вполне естественному противостоянию между интеллектуальной независимостью свободного искателя и многочисленными научными

⁴⁸ См.: Боймлер Альфред. Сущность власти. Новый порядок в Европе как историко-философская проблема. // Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению под ред. В.Б.Авдеева. – М.: Белые альвы, 2006, с. 165-183.

⁴⁹ Это, кстати, хорошее возражение Армину Молеру, по мнению которого вся «Консервативная Революция в Германии» сводилась лишь к этой идее.

⁵⁰ Baumler Alfred. Maennerbund und Wissenschaft. Berlin, 1934, 169 S. Идеалом Боймлера было закрытое сообщество студентов (в его терминологии – «политических солдат»), способное противостоять «женскому вырождению», в т.ч., «женской демократии».

⁵¹ Кюмон Франц. Мистерии Митры. – СПб., Евразия, 2000, с. 230.

сотрудниками, только и знающими, что воспроизводить принятые на веру интеллектуальные штампы.

24. «Германтиковеды».

Вопреки мнению многих врагов и доброжелателей Вирта, вряд ли можно назвать работы этого автора «ариософскими» в том же смысле, в котором ариософией называют «Теозологию», «Карнунтум» или «Аса-Уана». Все это было бы большим и совершенно неоправданным преувеличением. Во-первых, потому, что в отличие от большинства ариософов, концепция Вирта с особенной ясностью акцентировала не антропологическую (расовую), а культово-символическую проблему. Если у человечества имеется общий культово-символический, сакральный исток, то возвращение к нему как единственно возможному истоку является намного более предпочтительным, нежели затянувшееся выяснение расовых отношений между германцами и евреями, чандалами и арийцами, и т.д.

Во-вторых, Вирт на протяжении всей своей жизни сохранял по отношению ко всевозможным ариософам строгую дистанцию, презрительно именуя их «германтиковедями», «вдохновенными дилетантами» и «национальными фантастами». С такими личностями как Йорг Ланц фон Либенфельс, Филипп Штауфф, Рудольф Джон Горслебен и т.д. Вирт старался вообще ни в какое общение не вступать. По его убеждению, все они только то и делали, что методично позорили северную идею, дискредитируя ее своими псевдонаучными рассуждениями или разменивая на псевдovосточный синкретический магизм, («лапландско-финский оккультный хлам эддической традиции»⁵²).

Разумеется, такие резкие высказывания не могли остаться без ответа и не стать причиной ответных замечаний самих ариософов. Даже такие близкие к Вирту авторы, как Бернхард Куммер (член «Общества Германа Вирта») и Матильда Людендорф (одна из главных феминисток Третьего Рейха) имели с Виртом серьезные разногласия. В данном случае все упиралось в его теорию «изначального нордического христианства»: ни язычница Людендорф, ни тот же Куммер с его трагическим переживанием гибели древних Богов и «Заката Митгарда», никак не могли принять на веру такие рассуждения, поскольку монотеизм был им внутренне глубоко противен. Угроза монотеизма – это тотальная профанация мира – об этом в 1920-30-х не писал разве что самый ленивый неоязычник. Но даже если он об этом и не писал, ему все равно было понятно, что иудеохристиане «расколдовали Вселенную» и навредили германцам по всем параметрам. Религия Библейского Откровения – это религия анتماгическая, проклиная всякое живое общение с духами природы как «богомерзкое идолопоклонство», «служение твари вместо Творца». Говоря об изначальности «нордического монотеизма», Вирт вполне сознательно становился под удар расхожего стереотипа, заявляя, что действительная древность арьев связана не с многобожием, а именно с монотеизмом.

Примерно таким же философским юродством выглядела в то время и концепция О.Шпенглера, который описывал монотеизм как продукт особого типа души, явленный на свет примерно в третьем столетии до Р.Х. Этот тип души Шпенглер называл магической, указывая на то, что «магическая религия обращается прежде всего к божественной искре, *пневме* в человеке, которую он разделяет со всей незримой общиной верующих и святыми духами. Все остальное в нем принадлежит злым и темным силам. Однако в человеке должно царить божественное начало – не Я, а гость во мне, - которое побеждает,

⁵² Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933, S. 234.

преодолевают и уничтожают все остальное. <...> Каждая магическая церковь одновременно является орденом <...>»⁵³.

Притом что образ древнейшей традиции Европы у Вирта и Шпенглера был различен, ни тот, ни другой не называли ее оккультной или магической. Уже этого было достаточно, чтоб раззадорить фелькиш-эзотериков, жаждавших увидеть «волшебную Германию Вотана и Валькирий». Во многих отношениях Шпенглер был даже уместнее Вирта, поскольку определял основания европейской души не через монотеизм, а через Фауста. Пытаясь объединить традиции Востока и Запада, фелькиш-окультисты с благодарностью восприняли тот образ магической культуры, который предлагал Шпенглер. Переживание светлого начала в себе и борьба с окружающими силами мрака, создание магической церкви орденового типа и культ пневмы (Божественной искры) – все это было ариософам близко и понятно. Принять то, что описывал Вирт, им было намного труднее.

Во-первых, потому, что, в отличие от «германтиковедов», Вирт говорил про «Urglaube der Menschheit» т.е., про общий культурно-символический и сакральный исток не одних только германцев, но всего рода человеческого. Кроме того, Вирт считал эту изначальную веру монотеистической и основанной на мифологеме Космического Спасителя. С образом Космического Спасителя в теории Вирта была связана вся мифоритуальная сторона древних традиций. Вокруг изначальной сотериологической мифологемы выстраивались образы таких различных Богов, как древнефризский Кродер, древнегерманский Бальдр и, конечно же, Христос, не говоря уже о синкретических теологиях гностицизма, которым Вирт также уделяет в своих книгах достаточно внимания⁵⁴. Мифологема Спасителя является связующим звеном всех традиций, данных миру атланти-нордами. Это ключевой сюжет, который следует разобрать особенно подробно.

25. Heilbringer.

Как мы уже знаем, Вирт говорил про священные циклы космического Года, отмеренные динамикой четырех круциальных точек: это два Равноденствия и два Солнцестояния. На протяжении календарного Года Космический Спаситель движется по кругу, останавливаясь в этих четырех точках и предстает в различных образах: в образе Младенца, Мужа и Старца. Затем Спаситель – претерпевает мучение на Древе (Крестное Древо, дающее познание Рунического Языка) и возрождается в точке Зимнего Солнцестояния, получая свой священный знак – руну МАДР (Человек, воздевающий руки к Небу). За погребением и нисхождением во Ад с неминуемостью следует возрождение и прославление, обретение Вечности и тела славы, дающегося не по заслугам, а по великой Благодати Сына Божия и Спасителя («Кродера»), Который «Своим нисхождением во Ад (decensus ad inferos) и своим зимнесолнцестоянческим подземным путешествием избавил от смерти всех – крещеных и некрещеных, христиан и нехристиан».

Проповедь нордического мифа о Спасителе была для Вирта делом жизни. От реконструкции этой ключевой мифологемы зависело не только будущее германцев, но также и правильное понимание христианства. Изначальная, чистая, «доникейская» вера во Христа являлась, по мнению Вирта, отголоском древнейшей атланти-нордической веры во Спасителя, сохранявшейся в культовой символике народа на протяжении последующих

⁵³ Шпенглер Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – Мн.: Поппури, 1999, с. 328 (см. также с. 298-339).

⁵⁴ Взаимоотношения Вирта и гностицизма еще ждут своего исследователя. Из того, что на данный момент по этому вопросу опубликовано, можно выделить три главные тенденции. Либо – как в работах некоторых западных авторов – Вирта пытаются представить как визионера и гностика, либо – как, например, в публикациях А.Г.Дугина – языком Вирта излагают собственные гностические идеи, либо, наконец, исследуют отношение Вирта к тем сюжетам гностических теорий, которые он действительно рассматривал. К последней группе публикаций относится и наша работа, где мы в свете теории Вирта дали описание гностической сотериологии периода позднего эллинизма. См.: Кондратьев А.В. Образ Спасителя в позднеантичном гностицизме. // Аспекты-IV. – М.: МГУ, 2006.

столетий. Собирая памятники, в которых символика Космического Спасителя была наиболее очевидна, Вирт планировал со временем создать специальный музей, посвященный теме Зимнего Солнцестояния и древней веры нордических народов. Была замыслена глобальная реконструкция, сводящая данные истории религии, археологии, палеоэпиграфики и т.д. в единую жизненную концепцию. На это требовались не только колоссальные капиталовложения, но также и время, и целый штат специалистов в самых различных областях.

Вирт начал с того, что организовал серию подвижных выставок (музеев под открытым небом), которые были посвящены ключевым темам его концепции. Наиболее важны в этом отношении две экспозиции, на которые Вирт ссылался чаще всего. Одна из них называлась «Мать-Земля и Ее жрица» и была посвящена теме праисторического матриархата, а другая носила название «Спаситель. От Туле до Галилеи и от Галилеи до Туле» (1933 год)⁵⁵ и показывала, что изначальная атлантико-нордическая мифологема Спасителя претерпела в своей истории загадочную миграцию, в ходе которой «палестинский эпизод» был всего-навсего одной из остановок. Поэтому, рассуждал Вирт, культурно-символическое и сакральное значение Палестины не следует переоценивать. Это лишь рефлекс, вторичное отражение древнейшей символики Туле и Гипербореи, которая была известна людям каменного и бронзового веков. На основании сохранившихся изображений Вирт показывал, что для них Спаситель был Сыном Неба и Матери-Земли, воспринимавшейся в качестве всеобщей кормилицы и прародительницы.

Однако уже за такие рассуждения против Вирта ополчились немецкие фелькиш. Особенно резкие высказывания раздались от теоретиков «Рабочей общины движения за германскую веру» (Arbeitsgemeinschaft Deutsche Glaubensbewegung), в которой Вирт некоторое время состоял. Один из этих теоретиков, Альфред Конн (Conn) упрекал Вирта за его, якобы имевшую место, «христианскую деятельность». Вероятно, имелось ввиду либо учение о Спасителе, либо теория прамонотеизма. Более того, тот же Конн определял Вирта как «вредителя» (Schaedling) в стане германских фелькиш, грубо исказившего действительную историю.

Авторы круга фелькиш верно подметили, что многие тексты Вирта повествуют «von dem uralten Motiv des Heilbringers»⁵⁶ как единственно спасительном мотиве всей германской религии. По мнению видного теоретика расовой доктрины Людвиг Фердинанда Клаусса, всевозможные «умирающие и воскресающие» Спасители (Аттис, Адонис, Таммуз, Дионис) являются принципиальным мифом преимущественно для религий переднеазиатской расы, которую Клаусс определял как расу «людей спасения». На этом основании Клаусс сильно подозревал Бога Бальдра, явно связанного с «ненордической» сотериологией переднеазиатского типа. Тогда как Вирт, наоборот, пользовался любым случаем, чтобы сравнить Бальдра со Христом и подчеркнуть их внутреннюю, мифологическую идентичность. «Антисотериология» Клаусса в Третьем Рейхе была не исключением, а, скорее, некоторой закономерностью. Такую же позицию по вопросу «Спасителя» занимал также известный антрополог 30-х годов Ганс Ф.К.Гюнтер. В своей работе «Froemigkeit nordischer Artung» Гюнтер писал, что «для индогерманцев жизнь и вера стали бы пресными, если бы какой-нибудь «бог-спаситель» отнял у них эти чувства»⁵⁷.

⁵⁵ Выставка проходила в Берлине и Бремене при поддержке Бременского промышленника и сенатора Людвиг Розелиуса. Параллельно Вирт читал научные и народные лекции, например, на тему: «Нордическая народная матушка и заветы предков».

⁵⁶ О древнейшем мотиве Спасителя (нем.).

⁵⁷ Гюнтер Г. Религиозность нордического типа. // Гюнтер Г. Избранные работы по расологии. – М.: Белые альвы, 2002. – 480с. С.272.

26. «Основатель атлантико-нордической религии».

Критиковавшие Вирта ученые сближались с немецкими фелькиш в той мысли, что Вирт выступает не как историк, но как основатель новой религии (Religionsstifter). По их мнению, вся теория Вирта – это личное исповедание веры, причем для одних эта вера была «антинаучной» и «дилетантской» (Фриц Вигерс), для других – «патологической» (мнение кенигсбергского ориенталиста Фердинанда Борка), а для третьих – «вредительской» и враждебной германству (Альфред Конн).

О «Происхождении Человечества» было много самых нелестных высказываний, но особенно интересно прозвучало следующее: «Это – не научный труд, но документ личной веры издателя, исток которой он, подобно большинству основателей религий, перемещает в изначальные времена. Всякая борьба против такой веры была бы бесполезна, поскольку в такой полемике никакие рациональные основания действовать не будут» (Проф. Фердинанд Борк). На то же самое указывал и Вигерс, совершенно верно отмечавший: книги Вирта рассчитаны на совершенно иной тип восприятия, чем то принято в европейской науке. «Дилетант прочитывает их больше сердцем, чем разумом, ибо для критического осмысления таких работ необходимо знание очень многих тонкостей и нюансов, а также специальное образование очень высокого уровня».

Работы Вирта построены на методе компаративистики, охватывающей абсолютно все сферы бытия: если Вирт начинает говорить о лингвистике, то это, во-первых, обязательно компаративная лингвистика, а во-вторых, она непременно выведет Вирта на какую-нибудь другую дисциплину, например, на историю религий. Но даже и здесь, в сфере истории религий, Вирт обязательно станет сравнивать различные Божества и пантеоны, описывая общие структурные закономерности. Затем от описания закономерностей он перепрыгнет к соответствию Богов, календарных фаз и позднеантичных магических формул, а после этого представит последние в виде отголоска атлантико-нордической иероглифики. Каждому из упомянутых знаков тут же отыщется соответствие в мире архаических культовых практик – например, рунический знак «МАДР» (гусиная лапка) будет истолкован как порождённый жрицей Матери-Земли Сын Божий, вздымающий руки к Небу, а «водно-змеиная идеограмма» Древнего Египта окажется одновременно и Зимним Драконом (похитителем Солнца в период зимнего солнцестояния), и знаменитой «биуркой» (двумя горами), откуда произошла и современная буква «М» (Мать, Море, Wasser), и даже имя коня, на котором путешествовал ночью пророк Мухаммед (коня звали Бурак – аналог русского Сивки-Бурки)...

Разумеется, такое сравнительное религиоведение не могло не вызывать нападков как со стороны истинно-верующих (например, как мы уже видели, этим методом были сильно недовольны «германски верующие» из лагеря фелькиш), так и со стороны академических ученых, упрекающих Вирта в недостатке беспристрастности и постоянном стремлении выстроить из обломков архаики некую новую религию. Во второй половине 20 века английский ученый Рональд Нокс сформулировал эту претензию к сравнительному религиоведению ёмко и афористично: «Сравнительное религиоведение является прекрасным средством для того, чтобы сделать человека сравнительно религиозным».

В случае Вирта это была уникальная религиозность. Называть ее «изобретением кабинетного ученого», как то пытались делать Вигерс и его коллеги, было бы глубоко неверно. Неправильно также относить теорию Вирта к предтечам современного движения Нью Эйдж, как пытаются делать некоторые современные исследователи сектантства. Причина здесь достаточно простая: в отличие от большинства неоязычников и тем более, от всевозможных основателей новых религий, Вирт не старался ничего изобретать. Наоборот, его задачей было максимально точно и правдиво воспроизвести тот комплекс верований и представлений, который был у человечества в начальный период истории и с разной степенью отчетливости проявлялся на протяжении всей этой истории. Вирт не

конструировал, а реконструировал: такая задача непостижимо трудна, не говоря уже о том, что по существу она намного благороднее. Те, кто пытается в сфере религий создавать конструкции, служат, как правило, себе и стремятся занять в истории какое-то место. Наоборот, те, кто подобно Вирту, работает на реконструкцию, отдают себя чистой идее. Они стремятся понять, какое место в истории они уже – в силу своего происхождения и т.д. – занимают, ни на что не притязая и не прося ничего взамен.

27. Космический Юл – Начало Того Языка.

По мнению самого Вирта, единственным основателем атлантико-нордической религии может быть только Сам Спаситель, понятый не в качестве какой-то исторической личности, но, как вневременная фигура Сына Божьего, вошедшего во Время, чтобы в нем умереть и воскреснуть. Для Вирта Спаситель – это Распятый на Космическом Кресте полярно-райский нордический Кродер. Это – пришедший из далекой Гипербореи Архетип Вечного Возвращения. Благодаря Спасителю свершается мистерия Зимнего Солнцестояния, исполняется ветхое естество, претворяясь в новое. В соответствии с этим формируется и Язык. Вирт пронизательно замечает, что для каждой точки календарного круга имеется свое лингвистическое соответствие, запечатленное в гласных, вокальных звуках. Это – фонемы Рая, от произнесения которых зависит судьба универсума. По крайней мере, так было в языке древних атлантико-нордов, давших миру письменность и цивилизацию, алфавиты и священные тексты.

Здесь нетрудно заметить, что священным текстом в концепции Вирта является абсолютно все, что относится к истории древнейшей атлантико-нордической расы, верившей в Единого Бога и давшей человечеству его священную протописьменность и богатейшую календарно-культурную символику. В доказательство Вирт приводит тысячи самых разных примеров, причем конечный вывод его звучит примерно так: любой символ происходит из целостного, благостного и изначального бого-миро-переживания и бого-миро-воззрения человека Севера. А поскольку главным источником таких переживаний для человека Севера всегда являлось «священнейшее событие Юла», когда наступает самая длинная ночь всего Священного Года и Космический Свет постепенно начинает пребывать, – постольку для северного человека буквально каждый символ оказывается символом Зимнего Солнцестояния. Все длительные мифологические экскурсы в символику и все символические экскурсы в мифологию, все перечисление рунических знаков (УР, ЮР, ТИУ, ХАГЕЛЬ, ОДАЛА и т.д.), все медитирование на тему «Колеса», «Колючки», Аполлона», «Изначальных Вод» и т.п. оказывается необходимым для того, чтобы, в конце концов, провозгласить очень простую вещь.

О чем бы Вирт ни говорил, в конечном счете он непременно провозгласит, что вся символика и мифология народов мира сводится к пересказу сакральной символики и мифологии народов Севера, что вся символика и мифология народов Севера сводится к описанию Великого Юла, а это описание Великого Юла, в свою очередь, сводится к особому, лишь северным людям по-настоящему присущему, переживанию Космического Света как особой Божественной Благодати. Германские руны суть для Вирта как бы лучи этой благодати, рассеянные в пространстве и собранные на календарном круге. «Итак, исток этого линейного письма является космически-календарным, и, в качестве такового – культурно-символическим: в тексте Откровения Божества в космическом миропорядке календарные знаки Года Божьего являются «Священным Писанием». Астрономическая наука, наука о мироздании является высшей наукой, наукой в ее изначальном единстве науки и религии. Все дальнейшие формы обнаружения в земной природе являются некоторыми выражениями этого мирового порядка: отсюда – космически-символическое, «теофорное» учение о животных и растениях, распространенное по всему североатлантическому эпиграфическому культурному кругу. Отсюда – одушевление того,

что в римско-христианской религии признается неодолеваемым. «Все преходящее – только подобие», в его вечном превращении и вечном возвращении.

Если, таким образом, североатлантическое Письмо имеет космически- символическое, сакральное происхождение, то на этот исток должно указывать уже само написание», а поэтому документами нордического Откровения являются и фонетическая, и графическая составляющие Божественного Языка.

Gott ist Anfang jeglicher Sprache,
der Weisheit Stuetze und der Klugen Trost,
und der Menschen jedem Lust und Zuversicht. – Не устает цитировать Вирт древнюю нордическую поговорку.

«Бог – Начало Того Языка,
Он – Опора Мудрости и утешение знающих,
Опора любой человеческой радости и уверенности».

Кульминацией Божественного Откровения о Языке является, по Вирту, Пролог Евангелия от Иоанна, в котором апокалиптическое прославление гиперборейской вокальной символики достигает своего наивысшего умозрительного порядка. Поэтому, рассуждает Вирт, - тот, кто живет в «Священном Писании», в «Алфавите», в А-I-U-(O), тот живет в Боге. Здесь заключается также уверенность в спасении, которую испытывает лежащий в могиле христианин. Это подобно тому, как вплоть до сего дня католический епископ, освящая «церковь», наносит крючками на две ее стены литеры греческого и латинского алфавитов. Вместе эти два крючка образуют Крест Года и те символические весла, на которых плывет сквозь века корабль церкви <...>.

Некогда текст был религией, он свидетельствовал о связи с Вечным. Из такого же «Мировоззрения», богопереживания и богоузнавания возник «священный язык» северной расы из “Ultima Thule”, которая именовала Бога с помощью гласных уникального Божественного Откровения в круговом движении Года. Поэтому предметы повседневной жизни, имевшие хоть какое-то подобие этого великого Откровения Божия, получали соответствующее календарно-культово-языковое наименование, получали свое «теофорное» имя».

Разумеется, имени Космического Спасителя это касается в первую очередь. Это – главный Субъект великого Откровения Божия, а потому Его имя в наибольшей степени нагружено календарно-культово-языковой символикой, в наибольшей степени близко к Истоку. Об этом знают все духовные традиции: в мире магии имя дает тому, кто именуется, вызвать искомую Сущность, а в мире мистики, например, в молитве православных стацев, имя Божие нередко признается Самим Богом. Классическая формула исихастов звучит так: «Имя Божие есть Бог, но сам Бог – не имя». С таким же успехом носители атланти-нордического Откровения могли бы сказать, что «Священный Год и его кульминационная точка – Великий Юл – это, конечно же, Бог, однако рассматривать Спасителя как 22 декабря или как 365 дней годового цикла было бы грубой ошибкой.

Все эти календарные даты из мира формальной проявленности способны дать нам некоторое представление, почему то или иное Божество именуется так или иначе, но они вовсе не дают ультимативных требований в адрес Божества – называться так или иначе. Эта сложная атланти-нордическая диалектика осталась непостижимой для кафедральных рационалистов, способных жить лишь по заданным формулам. Поэтому они дробили систему ассоциативных кодов и семантических переключек на собрание разрозненных теорий и не уставали критиковать каждую из них в отдельности. Вот, к примеру, классическая в своем роде претензия профессор из Кенигсберга Фердинанда Борка: «Если бы наш язык был атланти-нордическим изначальным языком, то одно и то же выражение с осени до зимы звучало бы Wurt, затем – Wort, после прохождения через зимнее солнцестояние – Wart, весной – Wert, летом – Wirt (Wild), и всегда оставалось бы при этом самим собой». В основании того языка, который профессор Борк почему-то называет атланти-нордическим, лежит совсем не Бог, а какая-то механическая закономерность,

понятная профессорскому сознанию и удобная для беспощадной критики. Что же – сражаться с картонным чучелом намного проще, чем понять логику реальных событий, тем более, когда она настолько глубока и мистична, как логика Того Языка, той Священной Протописьменности, в основании которой лежит Сам Бог, явленный в виде Космического Спасителя.

28. Свастика и Bad Doberan.

Для расшифровки священных знаков этого изначального атлантико-нордического языка Вирт создает специальный исследовательский центр, который находится в городке под названием Бад Доберан. Это – очень уютное место, где планировалось сделать целый институт по исследованию сакральных символов и мифологических преданий, по изучению германской древности и путей расселения атлантико-нордической расы. Стоявшие перед Виртом задачи были колоссальны. Все сводилось к тому, что Вирт понимал: он работает на будущее, его методика исследования древнейших источников человечества – это абсолютно новаторский, небывалый в истории синтез, целью которого было создание новой научной парадигмы.

Пользуясь поддержкой местных национал-социалистов земли Мекленбург, Вирт основывает «Институт по изучению древнейшей истории Духа» (Forschungsinstitut fuer Geistesgeschichte), который официально начинает действовать уже в 1932 году. Это – промежуточный этап между уже существовавшим «Обществом Германа Вирта» (Берлин) и будущим «Наследием Предков». Причем не только в смысле хронологии, но и с точки зрения научной основательности и фундаментальности. С небольшим кругом своих берлинских почитателей, благоговевших буквально перед каждой написанной им строчкой, Вирт временно разрывает всякие отношения. Во многих отношениях это переломный этап, поскольку перед концепцией Вирта открывается необозримое поле самых разных возможностей. В том числе и возможность стать идеологией новой партии, стремительными шагами идущей к власти.

С национал-социалистами Вирт начал сотрудничать рано. Как мы помним, Вирт стоял у истоков организации под названием 'Landbond der Dietsche Trekvogels', которую сам же он определял как «движение с отчетливо выраженной национал-социалистической задачей». Эмблемой этого националистического молодежного союза была свастика – тот самый древнейший символ, который позднее, в работе под названием «Что значит быть немцем», Вирт будет описывать как «знак обновления» и «древнейший символ благодати в прагерманской изначальной религии»⁵⁸. Символике коловрата будет посвящена также отдельная книга «Об истоке и смысле свастики» (1933)⁵⁹. В этой работе Вирт подробно рассматривает древнейшие наскальные рисунки и прочие палеоэпиграфические материалы, пытаясь проникнуть в их сакральную суть. По мнению Вирта, свастика принадлежит к ряду самых таинственных символов человечества, присутствующих в наиболее древних культурах. В эпоху неолита и энеолита изображения этого символа были характерны и для Передней Азии, и для Крита, и для Индии, и, в особенности, для Ирана, среди древностей которого имеются самые разные свастические композиции. В эпоху бронзы ареал распространения свастики значительно расширяется. Во втором и первом тысячелетиях до Р.Х. свастика нередко фигурирует среди изображений на культовых постройках Кавказа, Восточной Европы, Средней Азии и Западной Сибири. Особенно много свастик археологи обнаруживают среди раскопок Трои. Однако при этом свастика – и это факт загадочный и труднообъяснимый – свастика практически

⁵⁸ Wirth Herman. Was heisst deutsch? Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1931. S. 50.

⁵⁹ Wirth H. Vom Ursprung und Sinn des Hakenkreuzes. Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1933. (В книгах русского историка Андрея Васильченко эта работа почему-то обозначена как «Признаки и душа свастики»: хотя такой работы никогда и не существовало, многим было бы интересно узнать, какие у свастики признаки и какая у нее душа...)

отсутствует на крайнем Западе Европы, а также в Египте. Вирт особенно отмечает и другой факт, также наводящий на размышления. В семитических культурах знак свастики почти совсем не засвидетельствован: он отсутствует на изображениях Палестины, Финикии, Аравии, Сирии, Ассирии и т.д. Однако в культурах индоевропейских этот знак является священным еще с каменного века, насколько нам позволяют судить сохранившиеся изображения.

Что касается смысла этого знака, то здесь имеется много разных теорий. Знаменитый религиовед Эндрю Лэнг, (один из основателей знаменитой теории изначального монотеизма, которой придерживался также и Вирт), полагал, что свастика возникла не как символ, а как «естественный орнаментальный элемент». Отсюда – логичный вывод, что свастика является репликой на какой-то ритуальный сюжет. О смысле свастического ритуала историки рассуждают вплоть до сих пор. Многие видят в изогнутых линиях гаммадиона композицию из человеческих тел. Русский исследователь И.Т.Савенков утверждал, например, что свастика «образовалась из перекрещивания линий туловища и изогнутой линии рукопожатия», тогда как психолог Вильгельм Райх распознал ее как образ двух совокупающихся тел. «Свастика, расположенная слева, изображает половой акт в положении лежа, а свастика, расположенная справа – половой акт в положении стоя. Отсюда видно, что свастика символизирует основную функцию жизненного процесса». «Здесь плодородие олицетворяется половым актом Матери-Земли и Бога-Отца. Как утверждает Зеленин, древнеиндийские лексикографы называли самца и самку свастиками. Другими словами, крючкообразный крест символизирует половой инстинкт»⁶⁰.

За монополию в понимании символики коловрата между собою спорили различные формы натурализма. Особенно часто воспроизводились солярные, астральные и лунарные теории, бывшие особенно популярными в 19 веке. В первом случае свастика оказывалась знаком «круговорота Солнца, возрождения жизни, бесконечности», во втором – своеобразной картой звездного неба, совершающего свое вращение вокруг Полярной Звезды, а в третьем – композицией из четырех полумесяцев, означающих четыре лунные фазы.

Лично Вирту все эти натуралистические измышления казались безосновательными. В его понимании свастика, бывшая символом древнейшей и благороднейшей культуры атланта-нордов, имела смысл глубоко религиозный, а не только лишь космологический. Свастика для Вирта – это квинтэссенция полярного Откровения, знак Единого Бога, открывшегося германцам в изначальные времена. Первичное значение свастики состоит в том, что это – «древнейший символ благодати в прагерманской изначальной религии», который всегда переживался носителями прагерманской, атланта-нордической традиции как «знак обновления» и «Священного Поворота». Изначально свастика выглядела совсем по-другому: ее концы были не прямыми, а круглыми, означающими четыре фазы движения Космического Спасителя по Его годовому Кругу. Свастический ритм Вселенной возникал под непосредственным воздействием Духа Миров, и означал материализацию этого Духа посредством ритуальных мистерий Великого Юла. Эта календарная точка знаменовала кардинальный разрыв, возникающий между двумя различными циклами – циклом восхождения и циклом нисхождения. Это – две половины Священного Года (*das Heilige Jahr*), первая из которых символизировалась свастикой правосторонней, а вторая – свастикой левосторонней.

В точке Поворота происходит следующее: на календарном уровне осуществляется перелом от холодной тьмы к Свету, который после зимнего солнцестояния стремительно начинает возрастать. На уровне графическом концы левосторонней свастики сначала выпрямляются, а затем загибаются в противоположную сторону, и свастика становится правосторонней, т.е., разворачивающейся, центробежной, «сеющей». Наконец, на уровне Духа – на том самом уровне, который пытались не замечать сторонники

⁶⁰ Райх Вильгельм. Психология масс и фашизм. – М.: АСТ, 2004, с. 166.

натуралистических объяснений – рождение правосторонней свастики означает эманацию, нисхождение Высшей Благодати, возвращение Духа Миров в проявленные и формальные миры. Это и есть мистерия Зимнего Солнцестояния, о которой столько интересного написано у Германа Вирта, Эриха Юнга, Отто Хефлера и других религиоведов нордического направления.

29. «Нордическое беспокойство» в нацистский период.

Хотя Вирт был в первую очередь ученым, история его жизни без рассказа о национал-социализме была бы неполна. После организации протонацистской группы 'Landbond der Dietsche Trekvogels' (1920 год) и длительной борьбы с «либерально-еврейской наукой» за воссоздание «арийско-нордической изначальной культуры» и «освобождение человечества от пятен цивилизации», Вирт решает вступить в только что возникшую Национал-социалистическую Немецкую Рабочую Партию. В августе 1925 года он получает свой партбилет за номером 20151 и становится активным членом одного из местных комитетов НСДАП. Однако уже в июле 1926 года Вирт из партии выходит – как он сам будет объяснять позднее, по причине того, что не мог идентифицировать себя с этим движением. Однако сохранились внутренние партийные документы, в которых геноссе Вирт свой неожиданный выход мотивирует совсем по-другому. Там, в частности, говорится, что Вирт покинул партию лишь *de jure* – для того, чтобы в качестве беспартийного успешнее распространять нордическое мировоззрение в рядах марксистов и прочих социалистов.

Есть, правда, и третья точка зрения, согласно которой демарш Вирта был жестом чистого оппортунизма: якобы ученому не хотелось лишаться щедрой поддержки, проистекавшей от богатых евреев.

В результате получилось так, что Вирта укоряли все: марксисты не могли понять, почему он в 1926 году вернулся к нацистам, послевоенные либералы отказывались проявить уважение к научным исследованиям уже только за один «коричневый партбилет», а нацисты не хотели простить «измену с коммунистами». Неизвестно, что Вирт отвечал коммунистам, но перед Гитлером он извинял свои временные метания хитрой мыслью вести нацистскую пропаганду без партбилета (якобы, «временная идеологическая мимикрия»).

Примечательно, что с фюрером Вирт был знаком лично еще с 1929 года. Адольф Гитлер посещал лекции Вирта, восхищаясь его изложением истории свастики, а также теорией нордического вегетарианства. Более того, Гитлер, по всей видимости, читал одну из основных книг Вирта – «Происхождение Человечества. Исследование по истории религии, символики и письма атлантико-нордической расы». Есть сведения, что экземпляр этой книги был подарен фюреру влиятельным мюнхенским издателем и одним из спонсоров НСДАП «эпохи борьбы» - Гуго Брукманном. При этом было бы неверным думать, что степень понимания Гитлером атлантико-нордической теории была особенно высока. Поэтому, хотя Вирта иногда и называют чуть ли не ведущим идеологом НСДАП, в действительности это было далеко не так. Это видно уже из высказываний фюрера относительно «создателей нордической религии»: «Эти профессора и мракобесы, которые основывают свои нордические религии, портят мне абсолютно всё. Так почему же я всё это терплю? Да просто потому, что они создают беспокойство. А всякое беспокойство является плодотворным. Сама по себе эта суэта не имеет никакого значения». Получается, что «нордическое беспокойство» немецких профессоров создавало общий фон эсхатологической тревоги, который Гитлеру был чрезвычайно выгоден и который Гитлером прагматично использовался. На место старого либерального порядка новые фелькиш-профессора приносили концептуальный хаос, который Гитлер по-своему упорядочивал и методично обращал во благо нацистской идее.

30. От Туле до Галилеи и обратно.

После основания «Института по изучению древнейшей истории Духа» в Бад Доберане, деньги на который были выделены Вальтером Гранцовом⁶¹, Вирт получает от прусского министра по делам исповеданий административное задание. Голландско-немецкий ученый должен организовать и провести в берлинском «Центральном институте образования и обучения» специальную выставку, название которой говорило само за себя: «Спаситель»⁶². От Туле до Галилеи и от Галилеи до Туле».

Согласно древнему преданию, Туле (или, в другом произношении, Фула) находится на крайнем Севере – «по ту сторону севера, по ту сторону моря и по ту сторону льдов». Это – «предел земли», за который заплывали разве что самые отважные путешественники. Например, греческий мореплаватель Пифей из Массилии (т.е., из Марселя), побывавший в районе Туле в середине IV века до новой эры и оставивший весьма странные письменные воспоминания. Пифей, например, рассказывал, что по мере приближения к острову Туле вода в море становилась густой и «подобной моллюску *Pulmo marinus* («морское легкое»), делавшей невозможным как плавание, так и всякий другой способ передвижения»⁶³.

Пифей был не единственным, кому пришлось столкнуться с такой необычайно густой и плотной водой, затрудняющей передвижение корабля. Похожий случай описан в «Приключениях Артура Гордона Пима из Нантакета» - известной повести Эдгара По. Вот что там говорится: «На первый взгляд, и в особенности там, где наклон не слишком ощущался, эта вода напоминала по консистенции густой раствор гуммиарабика в самой обыкновенной воде. Но это было лишь наименее примечательным из ее необычных свойств. Бесцветной она не была; и ей невозможно было приписать какой бы то ни было однородный цвет, все время струясь, она являла взору все оттенки пурпура, а также непрерывно меняющиеся переливы и отблески шелка...». Вход на Крайний Север, где расположена Полярная Туле, для многих оказывался закрыт.

В древности считалось, что Туле – это Скандинавия. Еще в начале 19 века немецким геологом Леопольдом фон Бухом было проведено исследование, в результате которого это предание было полностью подтверждено. Леопольд фон Бух пришел к выводу, что Туле следует помещать в районе Тронхейм-фьорда. Столетие спустя знаменитый норвежский полярник Фритъоф Нансен установил, что Туле – это ни что иное, как Норвегия у Тронхейма. Высказывались и другие гипотезы, отождествлявшие Туле с Исландией или одним из Шетландских островов – либо ныне существующим, либо уже ушедшим под воду.

31. Священный Календарь.

Основой этнологической концепции Германа Вирта была идея о том, что в древности (примерно около 15 или 9 тысячелетий до н.э.) существовал единый культурный круг Теле (Thulekulturkreis), который позднее – вероятно, вследствие смещения Пайдеумы – сдвинулся в сторону и образовал культурный круг Красного моря, т.е., цивилизацию Египта додинастического периода. Затем, по прошествии времени, этот единый этнорелигиозный ансамбль раздробился на части, дав человечеству два самостоятельных культурных очага: с одной стороны – культурный круг Аравийского моря (Хараппа и Мохенджо-Даро), а с другой стороны – культурный круг Персидского залива (цивилизации древних шумеров, эламитов и т.д.). Отныне эти «обломки» и реликты некогда единого комплекса Туле существуют отдельно друг от друга, продолжая

⁶¹ Walter Granzow был министр-президентом земли Мекленбург и убежденным национал-социалистом.

⁶² У Андрея Васильченко это слово почему-то переводится как «Святые податели». (Васильченко А.В. Мистика СС. – М.: Яуза, 2005, с. 163). Вряд ли есть смысл объяснять, что у Вирта речь шла совсем не о каких-то «святых подателях», а о Спасителе.

⁶³ Описания Пифея сохранились у Страбона. См.: Страбон. География в 17 книгах. – Л.: Наука, 1964, 69.

дробиться и развиваться по собственной этнокультурной траектории. Между ними периодически вспыхивают войны, одни системы письменности вытесняют другие, изначальный десятимесячный календарь Арктиды уступает место более поздним календарным формам – восьмимесячному (традиции Северо-Запада) и двенадцатимесячному, который свойствен для традиций атлантического цикла. Теория происхождения священного Календаря была разработана Виртом особенно подробно.

По мысли Германа Вирта, в истории календаря последовательно сменяют друг друга три системы деления Года, являющиеся одновременно матрицами культовой, языковой и прочей символики.

Это суть, во-первых, десятичное *атлантико-нордическое* деление года, соответствующее простейшим нумерологическим параметрам человека: две руки, две ноги, и везде по 5 пальцев: 4 сезона по 5 месяцев = 20. Графическая схема – кельтский крест, а как вариант – Год из 10 мес.

Затем календарь культуры Туле сменяется переходной, т.н. *арктически-североатлантической* формой из 8 мес. (2×4), в случае дробления дающей 16-месячный годовой круг. Здесь каждый «девятый» будет «новым», ввиду того, что месяцев всего 8 (отсюда параллель «neue-neunte», «novum-novus»). Вариантом этой второй «календарной эпохи» является год «Кродера», снежинка с 6-ю лучами.

Третья стадия, на которой пока что остановилась наша цивилизация, называется Виртом *южно-североатлантической* или *дуодецимальной*: это эпоха 12-и и 24-х. В таких рассуждениях Вирт исходил из колоссальных по своей значимости исследований индийского традиционалиста, патриота и крупного ученого Бала Гангадхара Тилака (1856-1920). В его знаменитой работе «Арктическая Родина в Ведах» (1903г.) доказывается в частности, что 12-и месячный календарь вторичен по отношению к 10-месячному, что мы и видим в названии древнеримского месяца december, указывающем на то, что он 10-й и последний в году. Также и Плутарх в жизнеописании Нумы Помпилия указывает, что в изначальном, идущем от Ромула календаре было 10 месяцев (=304 дня), а январь с февралем были добавлены только в правление Нумы. «То, что римский год содержал сначала только десять месяцев, а не двенадцать, - пишет Плутарх, - подтверждается названием последнего, но они (т.е. римляне) продолжали называть его декабрем, то есть десятым; а то, что март считался первым, ясно из того, что пятый после него месяц назывался квинтилис, шестой – сикстилис, и так до конца всего порядка»⁶⁴. Свидетельство Макробия также подтверждает, что в древнейшие времена римский календарь действительно насчитывал только 10 месяцев – срок, в течение которого Навагвы и Дашагвы совершали жертвоприношение, помогая Индре одолеть Валу и вызволить Солнце, «сокрытое в темноте».

Год был разделен на две половины – так же, как и в древнерусском ритуальном календаре, состоявшем, согласно реконструкции А.Г.Кифишина, из «семика» (весна и лето) и «пятика» (осень и зима). Похожее деление мы встречаем и в аттическом календаре Древней Греции, где имелось несколько рядов праздников, посвященных двум основным Божествам – Афине и Дионису. При этом если Дионис господствовал весной и летом (7 мес.), то Афина – осенью и зимой (5 мес.). Эти праздники делились на «великие» и «малые»: «великие» соответствовали Гибели Богов, а «малые» - их Возрождению. К праздникам «цикла Афины» относились: «Всемирный пожар», Малые Панафинеи, Великие Элевсинии и Тесмофории, а к праздникам «цикла Диониса» - Малые Дионисии, Малые Элевсинии, Великие Дионисии и Скирофории. «Одним словом, две половины года, семимесячная и пятимесячная, заканчиваются мировыми катаклизмами: летняя – пожаром, зимняя – потопом»⁶⁵.

⁶⁴ Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. – Пер. с англ. Н.Р.Гусевой. – М., 2002. – 528с. С. 422-424, 216-218.

⁶⁵ Кифишин А.Г. Древнее святилище Каменная Могила. Опыт дешифровки протошумерского архива XII-III тыс. до н.э. Том I. – К.: Арапта, 2001, с. 45.

32. Гибель далекой Туле.

Все это – лишь напоминания о том изначальном катаклизме, который стал причиной миграции атланта-нордов (Туата-де-Дананн, Народов Богини Дану) в более южные края. «Мы не знаем, сколько тысячелетий длился Золотой век гипебореев в их охотничьем раю. Знаем только, когда он завершился – 12 тыс. лет назад. Известна и причина его завершения – крупнейшая из природных катастроф.

Да, 12 тыс. лет назад произошел мощнейший катаклизм. До сих пор не вполне ясны его причины. Большинство ученых сходится на том, что Земля столкнулась с каким-то небесным телом, обладающим большей массой, либо большей относительной скоростью (некоторые считают, что катаклизм был следствием захвата земным притяжением Луны, до того свободно блуждавшей в пространстве). Стометровая стена воды трижды обошла земной шар... Дым сгоревших лесов на сотни лет погрузил планету во мрак... Небывалые землетрясения вскрывали землю, и реки лавы захлестывали все живое... Поселения людей на приморских равнинах были затоплены, и родилась легенда-воспоминание о Великом потопе... Но главное следствие катаклизма – смещение земной оси и передвижение полюсов в районы, в которых они находятся и сейчас.

Эта катастрофа стала причиной и знаком завершения плейстоцена и наступления голоценового (или четвертичного) периода. В популярной литературе с ней связывают гибель платоновской Атлантиды»⁶⁶. По поводу локализации Атлантиды существует множество различных гипотез. Если исходить из Платоновских диалогов «Тимей» и «Критий», гибель Атлантиды произошла примерно за 9000 лет до жизни самого Платона. Но есть и другие датировки. Например, те, кто локализует Атлантиду на Санторине, придерживаются мнения, что она затонула ок. 1500-1400 лет до н.э.

Примерно такую же датировку предлагает также и Юрген Шпанут. Книга этого немецкого пастора вышла примерно полвека тому назад, в 1953 году. Шпанут развивал теорию, что атланты были этническими германцами и создали свою империю примерно в XIII веке до Р.Х. (т.е., в Бронзовом веке). Атлантида находилась на Севере Европы, а именно, на Гельголанде. В своем исследовании Шпанут ссылаясь не только на богатый катастрофами Бронзовый век в акватории Северного моря, но также и на профессиональных археологов Третьего Рейха, часть из которых входила в общество Аненербе и была увлечена теорией «Полой Земли».

Автором этого учения считается Ганс Гербигер, хотя на самом деле это не совсем так: идея Полой Земли коренится в мифологическом предании древних германцев, имеет множество параллелей в других мифологиях древности и даже в философии Платона. Поэтому можно сказать, что Гербигер – это, прежде всего, проповедник древнегерманской мифологии, а, кроме того, платоник, каким-то странным образом оказавшийся в XX веке и выразивший свою мифофилософию на несколько необычном языке.

В отличие от Платона, Гербигер полагал, что Атлантиды было две. Одна из них находилась в Андах, а вторая – в Северной Атлантике. Причем существовали они не одновременно. Вторая, североатлантическая «столица» возникла на руинах первой и являлась менее обширной и могущественной, нежели та. То же самое мы видим и на уровне антропологии: жители Первой Атлантиды, согласно Гербигеру, были гигантами, тогда как обитатели Атлантиды № 2 гигантами и не были, хотя и происходили от гигантов по прямой линии.

Вторые, т.е., североатлантические, атланты жили сравнительно недавно. По мысли Ганса Гербигера, именно этим последним, уже не «титаническим», а обыкновенным атлантам посвящены упомянутые выше диалоги Платона. Получается, что тексты Платона повествуют про одну Атлантиду, а предания, мифы и легенды о великанах – про другую.

⁶⁶ Морозов Е.Ф. Бунт неприкасаемых. // Расовый смысл Русской идеи. Выпуск 1. – М.: Белые альвы, 2000, с. 157.

Менгиры, дольмены, и непомерно высокие (от 10м. и выше) идолы мексиканских тольтеков, новогвинейских матекулов и прочих племен были для Гербигера лишь отдаленным напоминанием о величии «Золотого Века». Сами же туземные племена имели с подлинными атлантами очень мало общего.

33. Atlantis, Edda und Bibel.

В вопросах атлантологии прямым учеником Гербигера являлся ариософ Герман Виланд, написавший знаменитую работу под названием «Атлантида, Эдда и Библия: 200 000 лет великой германской культуры и тайна Священного Писания» (1925 г.). Уже из названия этой книги можно вывести четыре основных ее положения. Во-первых, что возраст германской культуры достигает двухсот тысяч лет⁶⁷. Во-вторых, что прародиной этой культуры является Атлантида. В-третьих, что Эддическая и – шире – германская традиция является последней разгадкой «тайны Священного Писания», т.е., тайны Библейского текста. В-четвертых, что уже в столь отдаленные времена германская культура была «великой» - хотя бы уже потому, что дала миру Эдду и Библию.

Первый из выделенных нами тезисов доказывался Виландом очень просто: ученый ссылаясь на поразительную находку одного шведского археолога, открывшего на скальные рисунки германцев древностью в 200 000 лет. Работы Берлинского специалиста Франца фон Вендрин⁶⁸ лишь подкрепили немецкого ариософа в его догадках и убеждениях. Эти два эпохальных открытия имели для концепции Виланда огромное значение, поскольку позволяли опровергнуть одновременно и предрассудок о «германских варварах», и церковное учение о творении Богом первого человека 5684 года назад. Увеличивая длительность истории, Герман Виланд повышал возраст и уровень германской культуры и находил основания для ее противопоставления культуре негерманской.

Abb. 50 Sodomitischer Geschlechtsverkehr des Ur-Ebräers mit einem Schwein. Entdeckt von Franz v. Wendrin. Auf Tafel 55, Bild 4, nach E. Balzer: Glyphes des Roches du Bohus.än.

Со временем такое противопоставление возникло и на Атлантиде. Населявшие ее сыны Солнца (Теоса) стали, по мысли Виланда, смешиваться со звероловцами, а то и просто с животными. В доказательство своих рассуждений Виланд приводит один из рельефов Бохуслена, на котором запечатлен «содомитский акт праеврея со свиньей».

От таких порочных связей наплодилось много разных мутантов и бастардов, сделавших жизнь на Атлантиде невыносимой. Тогда часть атлантов (те самые мутирующие праеврей-звероловцы) стали совершать разбойничьи набеги на различные государства. Орды звероподобных мутантов, которые, к слову сказать, были – вероятно, в силу генетических модификаций – краснокожими, разнузданно проявляли свою алчность и жестокость. Их грабительские рейды в Африку, Азию и Европу повсюду оставили свои разрушительные следы: так появилось племя краснокожих канибалов мангбатту, не говоря уже о других негритянских племенах, известных своей черной магией. Виланд рассказывает, что дикие орды евреев-ацтеков только тем и занимались, что грабили, убивали и выжигали зеленые леса.

В скором времени все эти злодеяния переполнили чашу терпения Божьего, и тогда совершилось ужасное. Господь решил стереть с лица земли Вавилонскую Блудницу и

⁶⁷ Для сравнения: сегодняшняя наука определяет возраст homo sapiens sapiens как всего лишь 40 000 лет.

⁶⁸ Wendrin Franz von. Das entdeckte Paradies. Berlin, 1924.

навсегда разрушить столицу краснокожих атлантов. В главе «Закат Атлантиды и Священного Града Божьего, расположенного посреди Воды, между Островами. «Разрушение мира» 11500 лет назад» Виланд рассказывает о том, как это произошло.

Расстояние между Землей и Луной стало стремительно сокращаться. Когда Земля вошла в сферу притяжения Луны, реки и моря нашей планеты вышли из берегов, и земли Атлантиды, а заодно и Лемурии, оказались затопленными водой. Земные пояса стали выгибаться, а Земные полюса сместились. Те, кому пришлось наблюдать конец одного мира и начало другого, испытали непередаваемый ужас и запечатлели его в немногих сохранившихся письменах. Как наиболее авторитетные из этих источников Виланд выделяет халдейские (т.е., по его мнению, кельтские) легенды о Зиусудре. Развивая сюжет, автор добавляет, что по Земле распространились потоки горячей серы, воды и раскаленных газов, в то время как Солнце померкло и небо стало непроглядно черным. Отсюда – мифология Черного Солнца, связанного с Гибелью Богов не в меньшей степени, чем с фатумом и космической Справедливостью.

34. Германская прародина на Dogger Bank.

Осенью 1933 года Вирт выступил в качестве публикатора «Хроники Ура Линда», в которой гибель Атлантиды (именуемой «Атландом», «Альдландом» или «Альдландией») описана во всех подробностях. Вот что там рассказывается: «Все лето солнце было сокрыто за облаками, как если бы оно не хотело видеть земли. Ветер отдыхал в своей пещере, туман и облака подобно столпам стояли над домами и болотами. Воздух был поэтому сумеречным и мутным, а в сердце людей не было ни бодрости, ни радости. Посреди этой тишины земля начала вдруг трястись, как если бы она была при смерти.

Извергая огонь, расщепились горы, другие горы провалились вниз, а там, где прежде были поля, возникли скалистые ущелья и горные хребты. Альдланд, названный так моряками, потонул, и дикая ненависть долго еще клубилась над горами и долами, пока не сокрылась в пучине морской. Многих людей засыпало землей, а многих, которые убереглись от огня, смыло затем водой. Горы извергали пламя не только в землях Финды, но и в Твисланде. Леса горели один за другим, а ветер, отсюда произошедший, надул в наши края множество пепла. Это преградило течение рек, в устьях которых возникли острова песка, на которых топталась уцелевшая живность.

Земля жила так в течение трех лет. Когда же ей стало лучше, можно было лицезреть последствия катастрофы. Многие страны потонули, другие же поднялись из моря, а Твисланд наполовину покрылся лесами». Как удалось установить Вирту, затопленный в 2193 году до Р.Х. остров находился в Атлантическом океане и был тождествен той Атлантиде, о которой рассказывается в диалогах Платона и в последующей античной традиции. Этот же остров отражен в восточно-фризском сказании про Белый Аланд, именуемый также Островом Мертвых. Фризский народ до сих пор сохраняет поверие, что в день зимнего солнцестояния на Белый Аланд отбывают души умерших. Тождественные на уровне мифа, Атланд «Хроники Ура Линда» и Белый Аланд древнефризской легенды различаются на уровне географии. Вирт считает, что Альдланд-Атланд следует искать в современном канале (Kanal) и юго-западнее от Ирландии, тогда как остров «Белый Аланд» находился в Северном море, и ушел под воду где-то на рубеже 4 столетия до Р.Х., в 1888 году «после того, как потонул Атланд».

Получается, что в учении Вирта, основанном на точных данных палеогеологического анализа и на чуть менее точных рассказах «Хроники Ура Линда», была не одна, а сразу две Атлантиды – почти как у Ганса Гербигера. Примечательно также, что вторую из этих Атлантид Вирт считал духовной Родиной атланта-нордической расы и располагал на знаменитой отмели Доггер Банк. Сейчас это – рыболовный рай, и туда ходят траулеры со всей Европы и Америки. Но когда-то, в отдаленные времена, а именно, в эпоху последнего оледенения, уровень Мирового океана был на целых 100 метров ниже, чем

сейчас. Тогда никакого Северного моря и в помине не существовало, Британские острова соединялись сушей Шотландскими и Окнейскими островами, а также с континентальной Европой. Тогда на месте нынешней отмели Доггер Банк находился огромный остров, а нынешний пролив Ла-Манш являлся долиной мощной древней реки, притоком которой являлись и Сена, и Темза, и Маас, и Шельда, и Рейн. Впрочем, даже и сейчас по контурам Доггер Банк можно судить о многом. С Юго-Запада на Северо-Восток эта отмель простирается на целых 250 километров, ширина ее – около 30 км., а глубины не превышают 37 метров, поэтому Доггер Банк давно уже пытались исследовать, и часть этих океанологических исследований приводится в работах Вирта, особенно в «Происхождении Человечества». Вирта привлекала необычайная древность этого подводного сокровища: воды стали захлестывать территории Доггер Банк не ранее 18 тысячелетий назад, и поэтому в глубине можно найти следы людей, живших еще в эпоху последнего оледенения.

На территории древней Фрисландии были и более поздние наводнения. Например, в 865 году на устье Рейна обрушился страшный шторм, который затопил крупный город Дорестад и окружающие его территории. А в 1170 году, в День Всех Святых, море отрезало от материка огромный участок суши, ставший Фризскими островами. В конце 13 столетия вода стала достигать озера Фрево, лежавшего в глубине Нидерландов. Когда воды воссоединились, образовался обширный залив Северного моря – т.н. «Южный Залив» или Зюйдер-Зее. Последующие наводнения 1218 и 1287 годов стали причиной возникновения еще двух заливов – Долларта и Лауверс-Зее.

Следуя Тилаку, Вили Пастору, Георгу Биденкаппу, Людвигу Вильзеру и другим авторам нордической теории, Вирт отождествил Арктиду с прародиной индогерманской расы, а также – и за этот ход мысли Вирта особенно критиковали – произвел идентификацию Гипербореи, Атлантиды и Туле⁶⁹. Итак, по мнению Вирта, Туле – это один и тот же остров, что и Атлантида. В незапамятные времена этот остров оказался местом стоянки атлантико-нордической расы. Атлантида находилась в Арктике, среди вечных снегов и мерзлот. Там, где сегодня лежат непроходимые снега, некогда был умеренный и мягкий климат. В доказательство своей теории Вирт ссылаясь на археологические находки, которые обсуждались в ту эпоху и в других работах по атлантиологии. Вот, к примеру, что писал годом позже немецкий атлантиолог А.Бессмертный: «Открытые остатки цивилизации ранних жителей этой области показывают гораздо более высокую степень развития, чем эскимосы, которые живут там в настоящий момент».

35. Откровение Вральды.

Наибольшие нападки со стороны ученых последовали не за отождествление Атлантиды и Гипербореи, не за особое, типичное, впрочем, для нидерландца, расположение к Доггер Банк, и даже не за «изначальный монотеизм», который не нравился очень многим. Немецкая профессура вознегодовала оттого, что Вирт с упрямством, достойным восхищения, доказывал подлинность опубликованной им «Хроники Ура Линда». За публикацию этого странного документа ученому пришлось заплатить ценой своей академической карьеры.

⁶⁹ Все это был, согласно Вирту, единый североатлантический культурный круг (Kulturkreis), подлинная и единственная «гиперборейская Атлантида». Такая вольная формулировка Г.Вирта вызвала справедливые нарекания Рене Генона, указавшего в статьях «Атлантида и Гиперборея» и «Место атлантической традиции в Манвантаре» на тот факт, что в соответствии с традиционными источниками Гиперборею следует локализовать на Севере, тогда как Атлантиду – на Западе. Атлантическая традиция, согласно Генону, следовала по времени после гиперборейской и «была традицией красной расы». (Гудрик-Кларк Николас. Окультные корни нацизма. – М.: Яуза, Эксмо, 2004, с.446).

Итак, в 1933 году Вирт публикует «Хронику Ура Линда», которая представляет собой древнюю фризскую семейную хронику, полную интереснейших культурно- и религиозно-философских фактов. Вирт представляет «Хронику Ура Линда» как «Древнейший Завет Севера», отличный от ближневосточных заветов, которые, по его мнению, сущностно чужды традиции германцев и атлантико-нордическому наследию предков.

По мнению Вирта, содержащееся в «Хронике Ура Линда» предание относится к очень глубокой праистории, достигая раннего каменного века. Примерно 5000 лет назад германцы исповедовали свою изначальную веру, сильно отличную от сравнительно недавней традиции эпохи Эдды и Саги. Эта древнейшая вера атлантико-нордов была монотеистической. Верховным Богом признавался Вральда. В «Древнейшем учении», являющемся одним из самых важных теологических разделов «Хроники Ура Линда», про Бога Вральду говорится следующее: «Вральда является древнейшим всех, превыше всякой древности, ибо Оно сотворило все вещи. Вральда есть все во всем, ибо Оно вечно и бесконечно⁷⁰. Вральда присутствует везде, но нигде Его не увидеть: посему эта Сущность зовется Духом. Все, что мы можем в Нем увидеть, суть творения, благодаря Ему приходящие и уходящие: ибо из Вральды все вещи приходят, а затем они снова возвращаются. Из Вральды происходит Начало и Конец, ибо все вещи совершаются в Нем. Вральда является единым всемогущим Существом, а любая другая власть происходит от Него и возвращается в Него же. Из Вральды исходят все силы, и все силы возвращаются к Нему. Поэтому Оно единственное есть творящая Сущность, и ничто без Него сотворено не было.

Во все сотворенное Вральда вложило вечные Законы⁷¹. Других благих законов не существует, ибо все остальное возникло позднее. Но хотя все и находится во Вральде, злоба людская в Нем не содержится. Злоба происходит от косности, невнимательности и глупости.

Вральда есть Мудрость, и сотворенные Им Законы суть книги, от которых мы можем научиться. Кроме этих книг нигде нам Мудрости больше не найти и не собрать. Люди могут видеть многие вещи, но Вральде видны все вещи. Люди могут открывать многие вещи, но для Вральды открыто все. Люди – либо мужские, либо женские существа, но все их создал Вральда. Люди любят и ненавидят, но лишь Вральда обладает справедливым беспристрастием. Поэтому Благом является только Вральда, и нет блага кроме Него.

Вместе с Великим Юлом все сотворенное превращается и изменяется. Но лишь Добро является непреходящим. А поскольку Вральда несет в Себе Высшую Благодать, Оно не подвержено изменениям. Поскольку же Оно пребывает в неизменности, Оно представляет собой единственное Бытие, для которого все остальное – видимость (иллюзия)⁷².

Культ этого Вральды поддерживался усилиями северных матушек, генетически наследующих и несущих на себе отпечаток светлой Фрейи – Богини-эпонима древних фризов, «свободных-у-Бога». У фризов, как народа в наибольшей степени нордического и потому близкого к истокам, был священный матриархат. Кроме того, по свидетельству «Хроники...», древние фризы имели свое собственное летосчисление, отсчитывая начало времен от потопления Атланда. Именно оттуда, по мнению Вирта и ариософов вроде Карла Цеча, и происходит вся северная раса.

Сразу же после публикации Виртом «Хроники Ура Линда» разгорелся острый научный и публицистический спор, в котором многие германисты отказались верить в подлинность «Древнейшего Северного Завета», призванного, по мнению Вирта, заменить

⁷⁰ Wralda is ella in ella, hwand that is êvg and unendlik. Здесь имя Духа Миров появляется, как понятие абстрактное, в среднем роде. По существу, это есть дохристианский германский «Бог», который и в древненордической традиции был объективен (т.е. среднего рода), и лишь с христианизацией подвергся восточно-средиземноморским влияниям и стал «Богом» мужского рода. – Прим. Г.Вирта.

⁷¹ В оригинале – «Gattungen». Немецкое слово «Gattung» означает также «Род, вид, порода, тип, сорт» - Прим. пер.

⁷² Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933, S. 39-40.

два других, менее древних завета, привезенных германцам с Востока. В ком-то говорило рудиментарное христианство, в ком-то филологическая корректность, в ком-то – банальная зависть. В итоге текст «Хроники Ура Линда» был скоропалительно признан фальшивкой, в пользу чего, якобы, говорило несколько обстоятельств, отмечавшихся еще в конце 19 в. голландцем Бекерингом-Винкерсом.

Этот автор доказывал, что, во-первых, рунический строй оригинала был заимствован из латыни, во-вторых, что язык «Хроники...» является искаженным старофризским либо, как чуть позже сформулирует Артур Хюбнер (1934), «неоголландским, причесанным на древнефризский манер» (auf altfriesisch frisiertes Neuhollaendisch), т.е., новофризским. В-третьих, бумага, на которой дошло до нас «Древнейшее Писание Севера», была сделана не ранее 1850 года. На все эти упреки Вирт резонно отвечал, что даже окажись в «Ура Линде» что-либо неподлинным, в ней, несомненно, присутствует очень архаичный пласт, связанный с символикой Колеса Кродера и Великого Юла – тот пласт, который при скудных знаниях о германской традиции, какие имелись в 19 веке, нарочно не придумать.

После выхода «Хроники Ура Линда» против Вирта обратились те исследователи, которые до этого Вирта поддерживали, и важность его концепций защищали, например, упоминавшийся уже германист Густав Неккель (1878-1940). Как можно видеть в обстоятельной библиографии, выпущенной Э.Бауманном, архив Неккеля насчитывает ок. 30 публикаций, имеющих к «делу Вирта» непосредственное отношение. Эти статьи и тексты докладов можно довольно четко разделить на две группы, первая из которых вышла в свет до публикации Виртом «Хроники Ура Линда», а вторая – после, и эти тексты намного критичнее и строже. Неккеля смутила, главным образом, настойчивость Вирта, положившего свидетельство «Хроники...» в основание своей исторической концепции. В первом издании «Культуры древних германцев», выпущенном Неккелем в 1934 г., влияние Вирта и его идей чувствуется, тем не менее, очень сильно. Но в приложении Неккель пытается от Вирта дистанцироваться, указывая при этом на крайнюю сомнительность «Хроники Ура Линда». В издании 1939 г. это послесловие не перепечатано, а те пассажи, в которых ощутимо влияние Вирта, также устранены или переработаны.

Точка зрения Неккеля была в общем гуле растревоженных германистов наиболее взвешенной и, пожалуй, наименее пристрастной: это был состоявшийся еще в эпоху Веймарской республики заслуженный профессор, которому в науке не на что было претендовать и не на кого обижаться. Ведь претендуют, как правило, от большой неуверенности, а обижаются – от бессилия⁷³. Жестокая обида была уделом «Zunft» - так на языке нацистских партийцев именовались уполномоченные «компетентные специалисты», занимавшиеся травлей Вирта профессионально. Среди них было много людей из «Ведомства Розенберга». Особенное усердие проявил германист из Геттингена, ректор тамошнего университета и председатель «Общества немецкого образования» Фридрих Нойманн.

Многим из германских ученых показалось, что подлинность сакрального древнефризского документа непременно должна быть поставлена под их научное сомнение. Тут уместно будет вспомнить, как ровно за столетие до этого Тюбингенские профессора с таким же, может, и еще большим скепсисом всезнающих текстологов и кабинетных эрудитов препарировали книги Ветхого и Нового Заветов. С такой же ревностью немецкие филологи принялись критиковать и анализировать опубликованный Виртом документ древнефризского язычества.

⁷³ Шелер, Макс. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, 1999, с. 25: «Самая бессильная зависть – это в то же время самая ужасная зависть». «Зависть рождается только там, где попытка достать вещь <...> не удалась и где появилось сознание собственного бессилия».

4 мая 1934 года в новом актовом зале Берлинского университета состоялось открытое научное собрание, на повестке которого стояло выяснить, наконец, вопрос подлинности наделавшей шуму «Хроники...», а заодно и подвести итоги научной деятельности ее публикатора. Из числа присутствовавших на совещании мнения Вирта по указанному вопросу придерживался также именитый санскритолог и будущий коллега Вирта по «Аненербе» проф. Вальтер Вюст, а также известный религиовед др. Отто Хут (Huth). Среди официальных оппонентов Вирта можно назвать германиста из Берлинского университета проф. Густава Неккеля, Артура Хюбнера, а также специалистов в области древнейшей истории – профессоров Якоба-Фризена и Теодора Штехе (из «Союза борьбы за немецкую культуру»). Совещание получило значительный резонанс в тогдашней немецкой прессе. Общий его вывод сводился к тому, что «Хроника Ура-Линда» является «скрупулезной подделкой апостола либеральных идей эпохи Просвещения», т.е. искусной стилизацией под седую прагерманскую древность, но не подлинным источником. По мнению А.Хюбнера, опубликованный Виртом первоисточник – это причудливая «смесь заблуждений, смысла и бессмыслицы, но такой бессмыслицы, которая имеет определенный метод».

Но здесь сам собой напрашивается естественный вопрос: в чем смысл многочасовых обсуждений заведомо бессмысленного документа? Не рискует ли наука о германской праистории, уделяющая заблуждениям столько внимания, сама превратиться в сплошное заблуждение? Разумеется, если бы «Хроника...» оказалась поддельной от начала и до конца, то такого любопытного со всех сторон резонанса она бы не встретила никогда. Кстати, сам Вирт никогда на «буквальной аутентичности» не настаивал, признавая в тексте «Хроники Ура Линда» как минимум 4 различных слоя, из которых к древнейшей и подлинной истории имеет отношение лишь один. Все остальные суть, по мнению Вирта, лишь более поздние «доработки», отследить которые не представляет особенного труда. Вирт выделяет следующие слои текста «Хроники Ура Линда»:

1. Кодекс А: изначальная рукопись, изданная на основе древнего фамильного документа фризом по имени Лико Овер де Линден (803 г. по Р.Х.).
2. Кодекс В: список, выполненный его потомком Хидде Овер де Линден (1256 г. по Р.Х.).
3. Кодекс С: литературная обработка нидерландского гуманиста (начало 17 столетия), бывшего, вероятно, обладателем хроники «Ворп ван Табор».
4. Кодекс D: список интерполятора, человека достаточно образованного, знакомого с книгами просветителя Константина-Франсуа Вольнея, (начало 19 столетия). Эта последняя рукопись находилась во владении Корнелиса Овер де Линден и была им опубликована.

Некоторые историк называли также конкретные работы, на которые вполне мог опираться автор одной из последних рукописей:

- Кнут Клемент, «Северогерманский мир или наши исторические истоки», Копенгаген, 1840. Также и другие работы этого же автора: «История жизни и страданий фризов» и «О происхождении тойдисков». Обе последние работы вышли в городе Киль в 1845 году. К сочинениям К.Клемента восходит мифологема Инки, теория о том, что Атлантида была расположена в Северном море, утверждение об изначальности древнефризского матриархата (точнее, тезис о том, что древними фризами правили народные матушки и девы-градоправительницы), а также несколько расовых теорий.
- Монтанус, «Немецкие народные праздники: годовые праздники и семейные торжества». Из этой работы предположительный фальсификатор «Хроники Ура-Линда» мог позаимствовать весь комплекс рассуждений о Вральде, а также о колесе Юла, учение о времени (этмельды и т.д.), а также миф об Иртехе.

- Из работы французского просветителя Константина Вольнея могла быть почти дословно позаимствована примечательная история о совпадении Иисуса, Будды и Кришны. Книга Вольнея под названием «Руины, или Размышления о революциях империй» имела в личной библиотеке Корнелиса овер де Линдена даже не в единственном, а в двойном варианте: в виде французского оригинала и нидерландского перевода.
- Вся история о Минерве-Нихеллении проходила, по мнению тех, кто критиковал подлинность «Ура-Линды», из исследования Л.Ф.Янсена, посвященного найденным в нидерландском приморье римским камням с рельефными изображениями. Работа археолога Янсена появилась в Миддельбурге в 1845 году. Одним из возможных объяснений значимости имени «Нихелления» для предполагаемого фальсификатора Корнелиса овер де Линдена состоит в том, что его отец по имени Ян ходил в море на корвете под названием «Нихелления». Глубокое уважение Корнелиса овер де Линдена к своему отцу могло бы здесь кое-что объяснить. В конце концов, «Хроника Ура-Линда» - это семейная хроника...
- Баснословные описания бургов, где проживают народные матушки-жрицы могут восходить к старому и некогда очень популярному рыцарскому роману «Волшебное кольцо», автор которого, Фридрих де ля Мотт Фуке опубликовал свое детище еще в 1812 году.
- История о войне Вотана на Севере с «опасным народом чужаков» восходит, по всей видимости, к сочинению голландского автора Николауса Вестендорпа, которое вышло в 1822 году.
- Основными источниками предполагаемого фальсификатора были, по мнению критиков, Библия, наряду с «Германией» Тацита и «Немецкой мифологией» Якоба Гримма.

Однако под многочисленными напластованиями разномастных корректур и доработок содержалось, по мнению Вирта, подлинное и очень древнее ядро, отражающее религиозные представления древних фризов эпохи неолита. Испуг официальной немецкой науки, возникший в связи с публикацией «Хроники Ура Линда» вполне понятен: во-первых, эта хроника разительно диссонировала с тем представлением о древнефризской традиции, которое считалось принятым и неоспоримым: в «Хронике...» утверждалось, что древние фризы были народом матриархальным, возводившим свое почитание народных матушек и дев-градоправительниц на уровень религиозного предания. Во-вторых, из рассуждений авторов «Хроники Ура Линда» следовало, что изначальной религией человечества была религия монотеистическая. Оба вывода, первый из которых в религиоведении 19 века представлял Иоганн Якоб Бахофен, а второй – патер Вильгельм Шмидт, были признаны неуместными и чуждыми германству как таковому, а, в особенности, германству древности. Изначальный матриархат казался нацистским ученым недостаточно героичным, а изначальный монотеизм – излишне левантийским.

Кроме того, признав историческую достоверность «Хроники Ура Линда», кафедральным бонзам пришлось бы работать на Вирта и его проект, заново переосмысляя всю историю германской религии. Под вопрос была бы поставлена не только «германтиковедческая» линия ариософии (Г. фон Лист, Р.Д.Горслебен и др.), авторитетные работы германистов и мифологов, но и – что намного существеннее – Эдда и Сага. По Вирту, эти источники являются памятниками эпохи политеистического патриархата, вытеснившего изначальную веру атланта-нордов. Потенциал для восстановления этой архаики у нацистов, несомненно, был. Однако он так и остался не востребуемым, в основном из-за кафедральной науки (Kathederwissenschaft), которая в угоду Вотану, Вальхалле и принципу фюрерства наделяла древнейшую традицию атланта-нордов чертами политеистического патриархата. Именно кафедральная наука, эта «беспринципная профессура, покорно служащая иудейству», явилась, по мнению Вирта,

причиной отказа от учения Вральды, а, в конечном счете, причиной краха нацистского режима.

Карл-Германн Якоб-Фрисен и Вольфганг Краузе провозгласили «Хронику Ура Линда» враждебной Германии, навязывающей германцам негерманские жизненные установки и какую-то «женскую экономику». Хайнц Дитер Келер попытался даже изложить основы этой «женской экономики» с точки зрения историко-правовой, однако такая попытка ввести «Хронику...» в разряд достоверных источников была сразу же оспорена.

Но были в Третьем Рейхе и такие ариософы, для которых наиболее ценным в «Ура-Линде» показалось сообщение об Атлантиде. Берлинский профессор Альберт Людвиг Геррманн предпринял в начале 1930-х длительную экспедицию, исследовав в поисках пропавшего материка Африканский континент и руководствуясь при этом данными «Хроники...» Вирта. Атланд был обнаружен в одном из шоттов⁷⁴ Южного Туниса, где в начале 20 века открылись остатки какой-то очень древней цивилизации.

По материалам экспедиции Геррманн написал любопытное исследование «Наши предки и Атлантида», в котором целую главу посвятил «Судьбе одной древней хроники». Геррманн однозначно признавал «Ура-Линду» подлинным источником, способным пролить свет на древнейшие события и даже найти потерянную Атлантиду.

В работе Геррманна есть очень яркое сходство с Виртом и, в то же время, принципиальное отличие. Сходство состоит в том, что Вирт также пытался, исходя из «Ура-Линды», найти потерянную Атлантиду, однако локализовал ее не в шоттах Южного Туниса, а на крайнем Севере.

Как нам стало известно, в немецком издательстве «Lühe-Verlag» в серии «Документы и исследования, относящиеся к «Хронике Ура Линда» сейчас выходит ротاپринтное переиздание как этой работы Геррманна, так и его же книги «Новые реплики по поводу Хроники Ура Линда», а также полный текст самой Хроники. С левой стороны можно видеть текст на древнеингвеонском, а с правой стороны – на немецком языке. Во Введении на сорока страницах обсуждается вопрос подлинности рукописи, приводятся подробные пояснения к тексту, и, кроме того, в приложении можно видеть факсимильное издание той рукописи, которая была обнаружена в Лееувардене. Так хотел издать «Хронику...» сам Герман Вирт. Это издание разделено на два тома: первый посвящен текстам ингвеонских замков, а второй – рукописям потомков Аделы.

В 1956 году г-ном Кальма (Jas. J. Kalma), одним из сотрудников провинциальной библиотеки Фрисландии (город Лееуварден) была составлена полная библиография по проблеме «Хроники Ура-Линда». В этой библиографии были отражены все публикации по теме Ура-Линды, количество которых за период с 1871 по 1956 год составило в совокупности 648. Туда вошли самые разные обзоры и научные работы – от газетных заметок до внушительных исследований. В 1876 году – т.е., спустя три года после смерти Корнелиса овер де Линден – эта библиография насчитывала уже 58 названий различных статей и книг, посвященных загадочной хронике. В 1877 к ним добавилось еще 54, а в 1878 – всего три, в 1879 – одна, а затем, если верить библиографии г-на Кальма, о «Хронике Ура-Линда» очень надолго замолчали – она была признана фальсификацией.

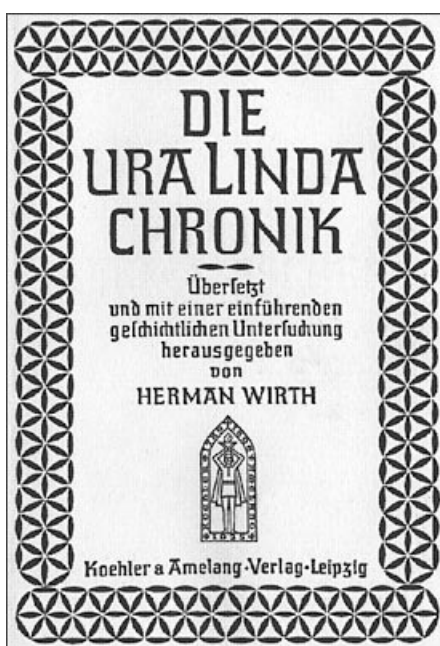
В настоящем предисловии мы намеренно не стремимся углубляться в вопрос о подлинности этого спорного документа, а также не рассматриваем целый период жизни Вирта, последовавший после научных прений и т.д. Наше мнение здесь таково, что «Хроника...» интересна сама по себе – как исторический документ, многими считавшийся священным, а многими считающийся и до сих пор. Достаточно сказать, что в подлинности «Хроники Ура-Линда» были убеждены не только мистики и атлантологи, но и такие крупные политики, как Генрих Гиммлер, видевший мистическую правду и неподдельную архаичность этого документа.

⁷⁴ Шоттами или сехба в археологии называются бессточные засоленные впадины.

Например, в письме профессору К.А.Экхардту от 25 февраля 1937г. Гиммлер писал о том, что, по его мнению, кто бы там что ни говорил, «Хроника Ура Линда» истинна, поскольку подлинным является ее внутреннее ядро. Die Chronik ist «im Kern echt»! А ровно через восемь месяцев, 25 октября 1937 г. Гиммлер пишет про «Хронику Ура Линда» профессору Вальтеру Вюсту, что «из тысячи камешков мозаики, которые представляют подлинную картину возникновения системы мира и ее истории, несколько камешков содержатся в этой книге».

Сам Вирт свои главные доводы в пользу истинности (отдельных фрагментов) «Хроники Ура Линда» резюмировал сначала в некоторых сносках к «Священной Протописьменности», а затем в книге «Об изначальном смысле человеческого бытия», вышедшей в Вене в 1960 году. Впрочем, сомнения в подлинности этого документа всё равно оставались. Нацистские оппоненты сделали лишь полдела. Намного дальше пошли послевоенные филологи и историки науки. Тюбингенский профессор Герд Симон называл даже «Хронику...» Библией Генриха Гиммлера⁷⁵.

Но даже если это и не так, даже если Г.Симон все преувеличил, а Г.Гиммлер – просто пошутил, все равно значимость этого документа достаточно велика для того, чтобы привести его в неизменном виде, сохранив даже те пассажи, где дух тоталитарной эпохи веет наиболее заметно. «Хроника Ура Линда» важна для германистики и истории религии, поскольку число источников по религии древних фризов ничтожно мало. Публикуемую нами «Хронику...» можно рассматривать как фальсификацию, можно искать «подлинное зерно», можно боготворить или проклинать, но, как бы мы к ней ни относились, это не дает нам основания выбрасывать такой яркий памятник из культурной истории человечества уже на том основании, что к ней проявили интерес видные политики тоталитарного режима. Но даже если рассматривать «Хронику...» как документ политический, то становится очевидным, насколько сам ее внутренний дух не соответствует концлагерям и культуре насилия, принципу фюрерства и т.д. Лично нас этот документ привлек исключительно как религиозноисторический источник, восполняющий многие лакуны в истории религиозных представлений древних германцев.

Обложка немецкого издания

⁷⁵ Simon, Gerd. Himmlers Bibel und die oeffentlichkeitswirksamste Podiumdiskussion in der Geschichte der Germanistik. 1. Teil // <http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/himmlerbibel.pdf>.

Книгу «Хроника Ура Линда» вы можете приобрести в издательстве
«ВЕЧЕ»

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).
